

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**БАНДИТСКИЙ
ПУТЕВОДИТЕЛЬ**

Полковник Гуров

Николай Леонов

**Бандитский
путеводитель (сборник)**

«ЭКСМО»

2017

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Бандитский путеводитель (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2017 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-99609-4

Возвращаясь из командировки, полковник Лев Гуров стал свидетелем гибели случайного попутчика. Начав расследование этого происшествия, Гуров выяснил, что погибший Фрол Пятырин был членом бандитской группировки, совершившей за последнее время серию грабежей и убийств в разных городах страны. Причем географию своих преступлений отморозки готовили по какой-то особой схеме. Оперативники пытаются предугадать, где совершится очередное злодеяние, но, не зная бандитского принципа, сделать это очень трудно. Возможно, ключ к разгадке кроется в предсмертных словах Пятырина? Догадка Гурова звучит как гром среди ясного неба...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-99609-4

© Леонов Н. И., 2017
© Эксмо, 2017

Содержание

Бандитский путеводитель	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	18
Глава 4	26
Глава 5	37
Глава 6	47
Глава 7	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Николай Леонов

Бандитский путеводитель

© Макеев А., 2017

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Бандитский путеводитель

повесть

Глава 1

Этого странного типа полковник Лев Гуров, старший оперуполномоченный Главка угрозыска МВД России, заметил через вагонное окно сразу же, как только тот показался из заиндевело-го зимнего леса. Его появление у совершенно безлюдного участка железнодорожной магистрали, идущей через верхневолжские хвойные леса, было и неожиданным, и шокирующим. Что бы мог подумать о происходящем всякий нормальный человек, увидев, как из чащобы, прыгая по глубоким сугробам, в сторону поезда выбегает не какой-нибудь там «снежный человек», а самый обычный мужик, только весь посиневший от холода и одетый в одни лишь трусы?! И это – в более чем двадцатиградусный мороз!!

А тот, видно, держась из последних сил, что-то беззвучно крича, отчаянно вскинул руки вверх и тут же рухнул ничком в окаменевший от мороза сугроб. Всего доли секунды Гурову хватило на то, чтобы понять: этот бедолага сейчас может умереть, а чтобы его спасти, нужно срочно остановить поезд. Тем более что «снежный человек», вполне возможно, может быть жертвой какого-то преступления. Лев выбежал из своего купе и, в два прыжка достигнув ближайший стоп-кран, решительно рванул рукоять вниз, в последнюю секунду подумав: «Интересно, как к остановке поезда отнесется здешнее начальство? Не слишком ли громко будет возмущаться?..»

Впрочем, даже если бы он заведомо знал, что хай поднимется запредельный, кран все равно бы сорвал. Повинуясь движению его руки, открылись краны баллонов со сжатым воздухом, и тут же внизу под вагоном раздалось громкое шипение, скрежет тормозных колодок и визг колес, идущих юзом по рельсам. Всех находящихся в вагоне резко мотнуло вперед, кое-кто даже свалился с полки. Со всех сторон послышались встревоженные и испуганные голоса. Из своих купе стали выбегать растерянные, недовольствующие, раздраженные и рассерженные пассажиры. Некоторые выбежали со стаканами чая, с недоеденными бутербродами и недочитанными книгами.

Не обращая на все это внимания и не теряя ни секунды времени, Гуров добежал до купе проводницы и, едва не столкнувшись с нею лоб в лоб, торопливо потребовал:

– Срочно откройте дверь тамбура! Там погибает человек, его нужно занести сюда! Э, мужики! Помочь никто не желает? Только одеться надо, и побыстрее! Да, и еще! Срочно найдите врача! – обратился он к проводнице.

На его призыв откликнулись двое военных – лейтенант-артиллерист и прапорщик из ВДВ. Они втроем выбежали в тамбур и по очереди спрыгнули со ступеньки вагона, чуть не по колено провалившись в рыхлый, хрустящий снег. Спустившись с насыпи, в самом низу водосборного желоба мужчины и вовсе ушли в сугроб чуть не по пояс. Но назад никто не повернул. Форсируя снежную целину, они поспешили к соснам, окутанным пушистым инеем.

– Холодно сегодня, ешкин кот! – на бегу прокомментировал лейтенант, зябко передернув плечами. – Градусов двадцать пять, не меньше!

– Как бы не больше!.. – ежась, откликнулся прапорщик.

Когда они подбежали к человеку, лежащему в толще сугроба, тот не подавал никаких признаков жизни. Неизвестный лежал ничком с выброшенными вперед руками, и даже со стороны было заметно, что снег под ним совсем не подтаял. Как видно, без одежды ему пришлось

преодолеть весьма немалое расстояние, из-за чего его тело переохладилось чуть ли не до окружающей температуры.

Гурову сразу же бросились в глаза татуировки, наколотые на его мускулистых плечах. На левой дельтовидной мышце был вытатуирован якорь, оплетенный обрывком каната, с перекрещенными на заднем плане десантными ножами, а на правой был изображен вставший на задние лапы белый медведь с автоматом в берете морпеха.

Они не без натуги подняли увесистое тело незнакомца (судя по фигуре и рельефу мускулатуры, тому были не чужды занятия спортом), после чего Лев и его помощники побежали обратно к поезду. Самое трудно было поднять «снежного человека» по крутой лесенке в тамбур, откуда его занесли в купе Гурова – а куда его еще понесешь?! К неизвестному тут же подошел пожилой мужчина в трикотажных штанах и спортивной майке. Пощупав пульс, он объявил, что этого гражданина нужно немедленно растереть спиртом или хотя бы водкой. Бутылка водки тут же нашлась у проводницы, и, оперативно ее откупорив, добровольные помощники Льва начали энергично растирать холодные, как лед, спину, грудь, руки и ноги своего подопечного.

Мужчина, представившийся доктором, пошарил в своей дорожной сумке и, достав из нее шприц и какие-то сердечные стимуляторы, сделал укол в безжизненно распростертое тело.

– Надеюсь, организм у него крепкий, и он еще хотя бы полчаса продержится... – озабоченно резюмировал он. – Мы уже созвонились со «Скорой», и на следующей станции его будут ждать.

Растирание и инъекция свою стимулирующую роль сыграли. В какой-то момент незнакомец неожиданно вздрогнул и, приоткрыв глаза, обвел стоящих подле него отсутствующим взглядом, словно все еще пребывал в бессознательном состоянии. Прерывисто вздохнув, «снежный человек» с трудом пробормотал что-то совершенно неразборчивое. Немного помолчав, он, как видно, собрался с силами и уже более вразумительно выдал из себя:

– Его найдете у яблока... А вначале... Вначале будет Челябин... – Голос его вдруг прервался, и он снова потерял сознание.

Ничего не поняв, все начали переспрашивать друг у друга:

– Ой, а что это он там сказал? Вы не расслышали?..

– Что-то про яблоко какое-то...

– Он яблоко попросил или это он состоит в такой партии?..

Гуров, стоявший ближе всех, сказанное разобрал достаточно четко, но углубляться в разъяснения не счел нужным. Он интуитивно понял: это не для обсуждения и вообще не для всяких ушей. Поэтому, когда одна излишне любопытная дамочка, тронув его за локоть, спросила: «Вы не расслышали, что он там сказал?» – Лев, пожав плечами, с неуверенностью в голосе произнес:

– Да, по-моему, он бредит. Он попросил найти ему яблоко и что-то еще ему надо дать. То ли шубу, то ли еще что-то непонятное... Обычный болезненный бред...

В этот момент неожиданно позади себя он услышал чей-то нарочито начальственный голос с нотками раздражительности и недовольства:

– Что здесь произошло? Кто и для каких целей срывал стоп-кран? Елизавета, а ты где была?

Лев оглянулся и увидел плотного гражданина в железнодорожной униформе. Судя по всему, это был начальник поезда. Проводница, растерянно разводя руками, что-то виновато пояснила и указала взглядом в сторону Гурова.

– Гражданин, – подойдя к нему, недовольно заговорил тот неприязненным тоном, – это что за самовольство? Вам кто разрешил срывать стоп-кран и останавливать поезд? Могу я взглянуть на ваши документы?

Сдержав ироничную улыбку, Гуров молча достал свое служебное удостоверение. Тот обалдело воззрился в «корочку», как видно, запоздало соображая, что, наверное, не стоило бы ему столь категорично выпендриваться, учитывая, кем оказался «самовольщик». Закашлявшись от неожиданности, он уже несколько иным тоном уточнил:

– Э-э-э... Как я понял, вы остановили поезд, чтобы забрать своего сотрудника?

– Какого сотрудника? – Лев взглянул на него как на инопланетянина, который надумал спросить у него дорогу на Альдебаран. – Он не наш сотрудник, он – просто потерпевший, который нуждался в помощи. Вот и все...

Теперь уже начальник поезда взглянул на Гурова как на уроженца Луны, свалившегося прямо перед ним с ночного светила.

– Не понял... А разве он не ваш сотрудник? Хм... Но зачем же вы тогда остановили поезд?

– А что, по-вашему, человеку, который кем-то был брошен в лесу на верную смерть, который замерзал без одежды, я не должен был помочь? Вообще-то на море, чтобы спасти тонущего, останавливаются даже большие пассажирские лайнеры. А на железной дороге, вы хотите сказать, это не принято?

– Ну-у-у... Ну-у... Хорошо, будем считать инцидент исчерпанным. Но впредь, пожалуйста, прежде чем срывать стоп-кран, согласовывайте этот вопрос со мной. Ну, или хотя бы с проводницей.

Гуров хотел уточнить: даже если все решают секунды? Но промолчал – что толку кидать горохом в стенку? Этот фрукт, помешанный на параграфах инструкций, вряд ли смог бы понять его. Да и Елизавета, незаметно поймав его взгляд, выразительно мигнула глазами, как бы желая сказать: не спорь, что-то доказывать этому буквоеду – дело совершенно дохлое. Тем временем доктор, в очередной раз склонившись над своим неподвижным пациентом, с грустью констатировал:

– Боюсь, он уходит...

Как бы опровергая его слова, неизвестный слабо застонал, правда, глаза при этом не открыл и даже не пошевелился. Глядя на него, Гуров испытал острое сожаление: что, если парень не выкарабкается и унесет свою тайну в могилу?! Это будет не просто хреново, а суперхреново. Когда проводница наконец-то объявила, что они прибывают на станцию Еремеево, Лев через окно увидел на перроне «Скорую», невдалеке от нее полицейскую машину и ожидающих поезд врачей и опергруппу местного райотдела.

Вошедшие в вагон медики быстро осмотрели мужчину и, погрузив его на носилки, с помощью все тех же добровольных помощников Льва унесли к своей машине. Гуров вкратце рассказал своим коллегам суть происшедшего. Старший опергруппы, назвавшийся капитаном Дунаевым, пообещал провести самое тщательное расследование этой загадочной истории и сообщить результаты в Главк угрозыска, после чего опера отбыли восвояси.

Когда поезд вновь двинулся в путь, неумолчно стуча колесами, Лев вернулся в свое купе и, сев у окна, достал из кармана сотовый. Набрал номер начальника Главка и одновременно своего старого друга генерал-лейтенанта Петра Орлова, он вкратце рассказал о происшествии. Тот, внимательно выслушав лаконичное повествование, издал озабоченное «хм-м-м...» и поинтересовался, что об этом думает сам Лев.

– Петро, врать не буду: теряюсь в догадках... – сокрушенно вздохнув, честно признался Гуров. – Единственно, что могу отметить, – случай очень и очень необычный, я бы даже сказал, феноменальный. С таким еще ни разу не сталкивался, да и от других ничего подобного не слышал. Однако предполагаю, что за этим кроется что-то очень серьезное. Знаешь, меня отчего-то крайне беспокоит сказанное этим человеком. Он явно хотел о чем-то нас предупредить, о каком-то серьезном преступлении. А вот что именно он имел в виду... Ну, тут варианты могут быть самые разные.

– Да, думаю, ты прав – дело пахнет какой-то серьезной уголовщиной, – согласился Орлов. – Ты сегодня во сколько прибудешь? Ближе к вечеру? Будешь подъезжать – позвони, пришлю за тобой машину. Позовем Стаса, и вместе все обмозгуем. Как говорится, одна голова – хорошо, а три будет лучше.

Закончив разговор, Лев сунул телефон в карман и глубоко задумался. Он пытался мысленно взглянуть на только что происшедшее с самых разных точек зрения. Гуров ни на секунду не сомневался в том, что волею случая стал и свидетелем, и участником события, имеющего явно криминальную подоплеку. Прежде всего он учитывал тот факт, что потерпевшим оказался физически крепкий спортсмен, скорее всего, судя по рисунку его мускулатуры, представлявший какие-то силовые единоборства. А с таким справиться едва ли смогла бы и достаточно большая группа примитивной гопы. Нет-нет, на вульгарную, примитивную разборку это не похоже. Причины случившегося достаточно серьезны, и наверняка «эхо» этого происшествия даст о себе знать в ближайшее время.

Он попытался смоделировать обстоятельства, в результате которых неизвестный мужчина оказался в зимнем лесу, по сути, совершенно голым. Самое простое, что лежало на поверхности, – конфликт бытового характера. Скажем, некая дама – жена провинциального туза, магната, олигарха – завела себе любовника-спортсмена. Муж об этом узнал и решил жестоко наказать соперника. Его охранники подкараулили и схватили свою жертву, вывезли в глухой зимний лес и бросили там, предварительно раздев.

Впрочем, у этой версии имелся существенный изъян: она никак не объясняла смысл сказанного потерпевшим. Что он там пробормотал? «Его найдете у яблока... А вначале... Вначале будет Челябинс...» Нет, нет, нет! Даже если считать сказанное абстрактным бредом, все равно какую-то реальную информацию он в себе содержал, хотя бы конкретное географическое название – Челябинск, крупный промышленный город на Южном Урале. Кстати, именно там несколько лет назад упал ставший знаменитым Чебаркульский метеорит. Но это, безусловно, к сегодняшним событиям никакого отношения не имеет.

Хотя стоит учесть, что Челябинск – город не только промышленный. С точки зрения любого криминолога, он, как и регион в целом, – один из самых проблемных в России по части доминирования там мафиозных группировок.

Из закрытых ведомственных информбюллетеней Гурову было хорошо известно, что в Челябинске самой крупной и хорошо законспирированной группировкой была железюхинская. Она появилась еще в конце восьмидесятых, когда на волне кооперации тут же образовалась обильная криминальная пена. Главарь банды Железюхин – бывший боксер, который ушел в рэкетеры, – оказался настоящим криминальным талантом. Он создал систему, умело маскирующуюся под вполне цивилизные коммерческие, охранные и всякие иные структуры. Железюхин купил нужное число чинуш в самых разных конторах и поэтому без труда уходил от ответственности, даже если кто-то и рисковал давать на него показания.

«Лихие девяностые» стали эпохой расцвета организованного криминала на всем Южном Урале. Правда, после «миллениума» всем челябинским ОПГ в своих аппетитах пришлось существенно ужаться. Да и их самих стало гораздо меньше. В первое десятилетие двухтысячных ФСБ и МВД покончили с деятельностью сразу трех самых крупных группировок и энного числа мелких. Впрочем, как язвили в прессе, произошло это не без активного содействия со стороны железюхинских, которые чужими руками устранили всех своих конкурентов. Но как бы там ни было, на сегодня южноуральские просторы все еще «курировала» именно эта группировка. Взять ее «за жабры» пока никак не удавалось – ее интересы отстаивали самые прожженные адвокаты, секретную служебную информацию «сливали» иной раз даже сотрудники органов областного уровня.

«Так, может быть, – размышлял Гуров, – этот бедолага каким-то образом «перешел дорогу» железюхинским, и они решили с ним разделаться таким вот зверским способом? Но

тогда что может значить «его найдете у яблока»? О чем вообще речь? О каком яблоке? Это – район города, водоем, какое-то здание, магазин... Кстати! Что-то наподобие этого в Челябинске есть – то ли торговая сеть, то ли вещевого рынок. Но это надо будет уточнить...»

Кроме того, было непонятно, кого именно можно найти у этого самого «яблока», а тем более – когда. Вопросы, вопросы, вопросы... Головоломная шарада, которая не по зубам даже самому изощренному криптологу. А жаль! Ведь эту шараду «расшарадить» в любом случае придется... И скорее всего, это выпадет не кому-нибудь, а именно ему, Льву Гурову.

...И – вот она, Москва. Вот он – Казанский вокзал. Выйдя из вагона, Лев увидел в конце перрона знакомую фигуру главковского водителя Славки. Тот его тоже увидел и приветственно помахал рукой.

– Здравия желаю, Лев Иванович! – зашагав навстречу, бодро поздоровался Славка. – Вам помочь?

– Нет, нет, я и сам пока что в состоянии донести свою дорожную сумку, – усмехнувшись, отказался Гуров.

– Удачно съездили? – широко улыбаясь, снова спросил шофер.

– Ну, как сказать? С точки зрения любителей заседать – вполне. С точки зрения опера – впустую убил два дня.

...Гуров ездил в Казань на региональный семинар, где выступал с докладом по современным методам раскрытия преступлений. Это мероприятие носило строго закрытый характер – без прессы и толпы праздных зевак. О нем в российских СМИ прошла очень скудная информация, из которой явствовало лишь то, что «в Казани состоялось совещание по вопросам совершенствования работы правоохранительных органов, в котором приняли участие ведущие специалисты МВД и представители правовой академической науки». Как же не хотелось Льву ехать на эту ведомственную «тусовку»! Он даже готов был взяться за самое тупиковое дело. Но генерал Орлов настоял, упирая на старый хулиганско-уличный принцип, типа: ты мне друг или портянка? Ну, понятное дело – друг...

Закрытым совещание было по той простой причине, что там обсуждались новые подходы к работе с вещдоками, демонстрировалась ультрасовременная криминалистическая аппаратура, обсуждались возможные изменения в уголовном законодательстве. Само собой разумеется, для криминалитета, и прежде всего организованного, любая информация с подобного мероприятия была бы на вес золота. Хотя... Если по совести, то именно информационного «золота» на этом семинаре было гораздо меньше, чем можно было ожидать. Гораздо больше было словесной мякины и банальщины.

Дали слово и Гурову. В своем выступлении, опираясь на личный многолетний опыт, он высказался за то, чтобы участие в ОПГ, в том числе и в «беловоротничковых», приравнивалось к участию в террористических организациях, курируемых нашими зарубежными «оппонентами».

– ...Вспомним девяностые, когда криминальные рейдерские захваты чужой собственности случались даже с предприятиями оборонного комплекса... – жестко, причем без бумажки, излагал он свою позицию аудитории. – И что мы тогда имели? Разгромленные коллективы уникальных производств, разграбленные цеха, уничтоженную и расхищенную, в том числе и секретную, документацию. Наш тогдашний закон относился к подобным преступлениям неоправданно снисходительно. Даже если рейдеры и привлекались к суду, то только по экономическим статьям. А то, что их действиями наносился удар по нашей обороноспособности, никто даже не вспоминал...

В своем выступлении Лев коснулся и необходимости ужесточения наказания за покушение на ведущих специалистов ОПК. Он отметил, что в нынешних условиях, когда международная обстановка серьезно обострилась, некоторые наши, мягко говоря, «оппоненты» могут

пойти (и уже идут!) на физическое устранение наиболее талантливых оборонщиков – инженеров, конструкторов, ученых, маскируя это под вульгарную уголовщину.

– ...Мне довелось расследовать несколько таких дел, в частности, убийство тульского изобретателя Осинина, разработавшего перспективную модель стрелкового оружия. На первый взгляд это было банальное ограбление, в связи с чем дело о его убийстве передали в ведение МВД. А когда разобрались более тщательно, оказалось, что это – целенаправленное убийство выдающегося мастера, со смертью которого работы над новым автоматом тут же заглохли. Непосредственного исполнителя мы нашли и задержали. Ему дали десять лет. А надо бы – пожизненно!

Заказчика убийства в принципе операм установить удалось, но как его задержишь? Это была известная западная оружейная фирма, разработавшая аналогичный тип оружия, но с куда более скверными характеристиками. Убийство Осинина этих халтурщиков, по сути, озолотило – они уже заключили контрактов с потенциальными покупателями на миллиарды долларов. Всего, по информации, подготовленной информотделом Главка, за один только прошлый год в России погибло при более чем странных обстоятельствах три крупных специалиста ОПК.

– ...Я более чем уверен, что все эти случаи – не какая-то там банальная бытовуха, не несчастные случаи. Это – использование уголовщины в недобросовестной конкурентной борьбе. Разумеется, мы, опера, убийц поймает. Но получают ли они достойное наказание по совокупности всего того, что совершили? Будут ли наказаны те, кто оказался заказчиком этих убийств?..

Выступление Гурова слушателями было воспринято неоднозначно. Часть аудитории (в основном такие же, как и он сам, практические работники уголовного сыска) мнение Льва активно поддержала громкими аплодисментами. А вот «теорехтики», как их именовал Гуров, отчасти явили кислый вид несогласия, а кое-кто и категорически с ним не согласился. Некий кандидат наук от правоведения режущим ухо визгливым голосом в своем выступлении упрекнул его в «эпатировании социально-бытовых проблем», связанных с «проявлениями банальной уголовщины».

Когда в перерыве Лев подошел к председательствующему совещания – одному из замов министра с генеральскими погонами – и попросил еще пару минут для внесения уточнений, тот, приятельски хлопнув его по плечу, махнул рукой и пробасил:

– Ле-е-ев Иванович! Да будет вам горячиться-то! Ваше выступление аудитория приняла очень одобрительно, оно будет доведено до соответствующих структур – Минюста, профильного комитета Госдумы и так далее... Не обращайтесь внимания на этого... Как его? Личинина. Я и сам знаю, что он сноб и зануда. Его тут никто не любит. Он всех уже достал своим трибунным позерством. Но как правовед, он считается одним из лучших, поэтому его сюда и делегировали от Института проблем прикладного права.

– Уж не этот ли Личинин был автором дурацкой идеи наказывать взяточников и казнокрадов наложением штрафа? – язвительно рассмеялся Лев.

– Лев Иванович! Вы, что называется, попали «в яблочко», – развел руками генерал. – Именно он и придумал такую норму. Да, действительно он! Благодаря ему у наших хапуг одно время было прямо-таки райское житье. Теперь их опять начали сажать. Но он с этим не смирился – во всех либеральных СМИ то и дело «сорит» всякими интервью, эссе, теоретическими статейками. Так что, Лев Иванович, скрестили вы шпаги с матерым либеральным оппонентом!

– Я бы скорее назвал его не матерым, а махровым... – сердито парировал Лев, с трудом сдерживаясь, чтобы не подкрепить мнение каким-нибудь звучным народным эпитетом.

...Садясь в машину, Гуров усмехнулся – ну и поездочка у него выдалась! И семинар оказался каким-то излишне напряженным, даже нервным, и обратный путь не обошелся без приключений. Неожиданно из его кармана донеслось пиликанье телефона, выдающего мело-

дию: «Милая, милая, милая, нежный мой ангел земной...» Это означало, что звонит его жена, Мария Строева, ведущая актриса одного из лучших столичных театров. В ее голосе проскальзывали нотки беспокойства:

– Лева, ты все еще едешь, все еще в дороге?

– Нет, счастье мое, уже прибыл. Но, понимаешь, наш драгоценнейший Петр Николаевич по мне очень соскучился и поэтому попросил первым делом, прямо с вокзала, заскочить к нему. Думаю, это ненадолго.

Слушая его, Мария разочарованно вздохнула:

– Ну вот, а я сегодня пораньше вернулась домой, наготовила всякого и разного. Думала, посидим, пообщаемся. Можно было бы и Стаса пригласить, чтобы, как говорится, как в старые, добрые времена...

– А-а-а... Стол?! Это великолепно! Домой буду мчаться на пределе возможностей. Стас, думаю, проголосует обеими руками. Твою кулинарию он обожает!

...Когда он вошел в кабинет генерала, Орлов изучал какие-то бумаги. Увидев Гурова, он расплылся в улыбке и, выйдя из-за стола, крепко пожал ему руку:

– Ну, как там семинар? Что нового почерпнул? Рассказывай!

Не успел Лев открыть рот, как в кабинет буйным торнадо ворвался его старый друг и напарник Станислав Крячко. В своей неизменной потертой кожанке нараспашку он смотрелся кем-то наподобие отставного боцмана с парусного флота. Восторженно провозгласив:

– Л-лева! Наконец-то! – Стас обменялся с Гуровым крепким рукопожатием и, вопросительно мотнув головой, поинтересовался: – Ну, как там семинар? Что нового почерпнул? Рассказывай!

Ответом ему стал громкий смех. На недоуменный взгляд Станислава Гуров пояснил:

– Стас, хоть ты и полковник, а вот мысли у тебя – сугубо генеральские. Честное слово! Буква в букву повторил то, что за пару секунд до тебя спросил Петро.

Тот, поняв в чем суть дела, тоже рассмеялся:

– Блин, прямо как в той английской комедии, где перед изысканным обществом по очереди выступали певцы, которые все, как один, пели одно и то же. Публика от злости неистовствовала.

Затем Лев кратко отчитался о своей командировке.

– Ну, могу сказать только одно – съездил ты очень даже результативно, выступил по уму и этим самым достойно представил наш Главк. Молодец! – заключил Орлов и, немного помолчав, добавил: – Так, а что там с тем «снежным человеком» – то?

На его последние слова Стас отреагировал широко открытыми глазами. Он озадаченно воззрился на Льва и с нотками недоумения уточнил:

– Лева, про какого такого «снежного человека» разговор? Ты, надо понимать, видел настоящего «снежного человека»?! А почему я об этом ничего не знаю?

– Да не настоящий он, не настоящий! – отмахнулся Гуров. – Это я его так условно назвал. Не подгоняй, расскажу все, и без утаек. Что с ним сейчас – я пока и сам не знаю. Коллеги обещали позвонить, как только соберут хоть какую-то информацию. Жду звонка.

– Так что же все-таки случилось? – нетерпеливо заерзал в кресле Станислав.

Лев рассказал историю спасения неизвестного мужчины, по неведомым причинам оказавшегося в зимнем лесу без какой-либо одежды. Петр, хотя в общих чертах о происшедшем уже был в курсе, все равно выслушал его внимательнейшим образом. Ну а Крячко и вовсе внимал, чуть не затаив дыхание, с огоньком любопытства в глазах. Эта во многом фантастическая история захватила его без остатка.

– И как ты думаешь, что с ним могло произойти? – наконец выдохнул он.

– Ну, версий несколько, – задумчиво ответил Гуров. – Не исключено, это член какой-то ОПГ, который что-то не поделил со своими «корешами», и они таким зверским способом

решили его проучить. Вполне возможно, намечается целая серия крупных ограблений, с чем не согласился потерпевший... Думаю, будет уместным предупредить челябинских коллег, чтобы усилили контроль за финансовыми объектами.

– Да-а... – потерев лоб, озабоченно обронил Орлов. – Темная, очень темная история. Коллег, понятное дело, обязательно предупредим...

Его последние слова заглушил неожиданный звонок сотового телефона. Гурову звонил старший опергруппы из Еремеево. Он сообщил, что спасенный гражданин, несмотря на усилия врачей, к сожалению, скончался в машине «Скорой» по пути в больницу. Сотрудники Еремеевского райотдела выезжали на место, где он был найден, правда, пока найти его не удалось, но завтра с раннего утра поисковики снова туда отправятся.

Поблагодарив за информацию, Гуров пересказал услышанное Орлову и Крячко. Немного помолчав, генерал размашисто хлопнул ладонью по столу:

– В общем, так! Это дело нужно расследовать. Чую, что-то тут очень даже нечисто. Поэтому, мужики, поручаю эту тему вам. Отказы не принимаются. В конце концов, в том, что именно Лева увидел того бедолагу, просматривается, как в таких случаях говорят, некий «перст судьбы». Что скажете?

– Слов нет... – развел руками Гуров. – Кричать «ура» повода не вижу, ну а возражать – бесполезно, сам же сказал, что отказы не принимаются.

Петр пригладил волосы и, хмыкнув, утвердительно кивнул:

– Правильно мыслите! Ну, раз уж мы в этом вопросе так скоро нашли общий язык, то – за дело, мужики! Вперед!

– Ну, вперед так вперед! – чему-то непонятно улыбнувшись, поднялся со своего места Лев. – Стас, Мария приглашает нас на шикарный ужин. Ты как на это смотришь?

– Брависсимо! – подпрыгнул в кресле Крячко. – Едем немедленно! А тебя с собой не возьмем! Ха! Ха! Ха! – ехидно подмигнул он Орлову.

– Ладно уж, возьмем... – нарочито вздохнул Гуров и взглянул на генерала: – Поехали?

– Спасибо, конечно, но... Освобожусь только часа через два. Как-нибудь в другой раз, – указал на ворох бумаг Орлов.

Когда приятели скрылись за дверью, он снял трубку одного из своих телефонов и, набрав чей-то номер, деловито заговорил:

– Григорий Евгеньевич, добрый вечер. Орлов беспокоит. Надо бы обсудить один очень серьезный вопрос по Челябинску...

Глава 2

Ранним морозным утром Лев Гуров поднимался на крыльцо здания Главка, все еще будучи под впечатлением от необычайно реалистичного, яркого сна, увиденного сегодня ночью. Он совершал восхождение на Джомолунгму. Причем в полном одиночестве. Цепляясь руками за острые ледяные глыбы, поднимался все выше и выше, отчего-то совсем не ощущая холода. Он не понимал, зачем это делает, но что-то неумолимо гнало его куда-то вверх и вверх, к ярко-синему куполу неба.

И вот в какой-то момент он вдруг увидел себя стоящим на самой верхней точке горного пика. Причем... совсем без одежды! Босыми ногами он стоял на леднике, обдуваемый пронзительным ветром под бездонной небесной синевой. Мелькнула мысль, что надо срочно спускаться вниз. Но – как? Внезапно обнаружилось, что гора обратилась в возносящийся в небо каменный столб, с которого можно только спрыгнуть. Куда? В бездонную пропасть?! Однако и этот столб под его ногами внезапно исчез, и Лев оказался в небе безо всякой опоры. Но не упал, а, подхваченный ветром, полетел непонятно куда. Он летел, ощущая волнительное замирание в душе: надо же такому случиться!..

Утром за завтраком, вспомнив сон, Гуров, смеясь, отметил:

– В летчики, что ли, податься? Я сегодня летал во сне. И – где? Угадай! Над Гималаями.

Задорно улыбнувшись, Мария предположила, что, если Льву и суждено взлететь, то, хотелось бы надеяться, в плане служебном.

– Уж пора бы сменить свои нынешние погоны на генеральские! – добавила она.

– Ага! Вон как турнут меня с работы, так сразу же и стану генерал-ефрейтором! – с ироничным энтузиазмом откликнулся он.

Гуров не стал рассказывать ей конец своего сна, который был вовсе не оптимистичным и больше походил на какой-то голливудский триллер.

В какой-то момент он вдруг оказался в каком-то огромном, сумрачном, совершенно безлюдном зале, в котором каждый звук сопровождался многократным гулким эхо. Оглядевшись по сторонам и увидев в отдалении выход, Лев направился в ту сторону, но вдруг услышал позади себя какой-то шорох. Он быстро оглянулся и увидел ринувшегося на него с ножом здорового небритого детину. Нападавшего он узнал сразу – это был отбывающий в настоящее время двадцатилетний срок за убийство психопатичный параноик по кличке «Кыля». Четко заблокировав предплечье верзилы левой рукой, правой, не мешкая ни секунды, Гуров нанес бандиту мощный удар в челюсть. При этом он и в самом деле резко дернул рукой, отчего сразу же проснулся и долго лежал с открытыми глазами.

Не будучи суеверным, Лев не придал этому странному кошмару какого-либо особого значения. Но тем не менее увиденное во сне прочно засело в его памяти. С точки зрения обыденной логики, ему было совершенно непонятно, с чего это вдруг подсознание выдало такой малопривлекательный сюжет? Вроде бы последние дни участвовать в каких-либо рукопашных схватках необходимости не имелось – все положенные задержания проводились силами бойцов спецназа, он только координировал их действия. Да и вообще серьезных конфликтов ни с кем не возникало. Что за чушь?

Войдя в кабинет и воспользовавшись тем, что Стас пока еще не появился, Гуров включил компьютер и быстро набрал в поисковой системе Интернета запрос: «К чему снится подъем на вершину горы?» Из всего многообразия ответов он щелкнул мышкой первый, попавшийся на глаза, и из открывшегося текста узнал, что, по мнению, условно говоря, «специалистов сноведческого профиля», ответ может быть весьма неоднозначным. Если одни предполагали вероятность разного рода несчастий (умный в гору не пойдет, как гласит старая студенческая песня!), то другие, напротив, делали очень благоприятные прогнозы. По их мнению, гору следует рас-

смаатривать с разных сторон – и как символ препятствия, которое возникло на пути, и как вершину грядущего жизненного успеха, удачи везде и во всем...

Невольно рассмеявшись – во дают, прогнозисты хреновы! – Лев набрал запрос: «К чему снится полет высоко в небе, как на крыльях?» Но и здесь ответы были даны – и «за здоровье», и «за упокой». Одни «спецы» утверждали, что подобное можетниться незадолго до отправки в мир иной. Зато некий восточный сонник объяснил такое сновидение как предвестие физического роста. Правда, только для юных сновидцев. А вот людям старших возрастов полет во сне обещал духовный рост.

«Ага, это точно... В монахи постригусь!» – саркастично прокомментировал про себя Гуров.

Кроме того, по мнению снознаев-оракулов, летать во сне в чистом и ясном небе означало, что в ближайшем будущем должна осуществиться самая заветная мечта.

«Мечта, мечта, мечта... А какая у меня мечта? – задумался Лев. – О! Мы еще с осени со Стасом мечтаем выбраться на рыбалку, а этот Петруха чертов, как жлобьяра-Кощей, уже больше двух месяцев не дает, нахалюга, выходных. Люди уже давно на подледный лов перешли, а нам и осеннего не выпало. Может, это дело раскроем и выьем-таки из нашего «хэнэраля» положенные выходные? Неплохо бы...»

Поскольку Стас все еще был где-то в пути, Лев напоследок сделал запрос о том, к чему снится драка с вооруженным противником. Как явствовало из ответа некой Василины Раскудышиной, драка во сне предвещала много важного и запросто могла сулить какие-то неприятности, в том числе серьезную опасность. Но ее эзотерический оппонент Жорж Монпасье заверил, что если и пришлось с кем-то во сне драться на ножах или мечях, то обязательно следовало ждать большого счастья, в частности выздоровления, прилива жизненных сил...

«Да, прилива жизненных сил, в смысле, второго дыхания, мне бы не помешало!...» – мысленно рассудил Гуров.

Но не успел он дочитать до конца во всех отношениях приятный прогноз Жоржа Монпасье, как внезапно распахнулась дверь, и в кабинет вошел сияющий Станислав Крячко.

– Л-лева! Здор-рово!!! – гаркнул он прямо с порога, а плюхнувшись на свое место, вопросительно мотнул головой: – Аки пчела, спозаранок в трудах и заботах? Что, ищешь материалы по вчерашнему происшествию?

– Ну, в общем-то, да... – нейтрально ответил Лев, поспешив закрыть поисковое окно (еще не хватало, чтобы Стас узнал о его эзотерических изысканиях!). – Как самочувствие после вчерашнего?

Тот вскинул большой палец и расплылся в улыбке:

– Класс! Какой был эскалоп, какой торт, какой чай... Ну, про вино вообще грешно было бы не упомянуть! Так что если опять наметятся посиделки – всегда буду рад получить приглашение. Ну что, Лева, будем думу думать – в какую сторону нам двигаться и с чего начнем работать?

– Давай помозгуем... – согласно кивнул Гуров. – Самое основное, что нам нужно определить, – личность нашего «снежного человека». Я сегодня все утро жду звонка из Еремеево, но они что-то молчат. По идее, по отпечаткам пальцев, если они есть в базе, определить личность труда не составило бы.

– А если их нет?.. – риторически спросил Крячко и сокрушенно вздохнул.

– Если нет, тогда хреновато. Хотя и не безнадежно. У нас есть такая зацепка, как татуировки. Как я понял еще вчера, этот «снежный человек» когда-то служил, предположительно, в морской пехоте, скорее всего, на Севере. Значит, надо думать, если удастся установить место его службы, выяснить паспортные данные труда не составит. Давай-ка сделаем так... Ты сгоняешь в Еремеево и с местными операми, кто хорошо ориентируется в тамошних лесах, пройдешь по следам нашего подопечного, чтобы определить – откуда он начал свой голый забег, кто

и какие следы оставил. Не по воздуху же он прилетел? Хотя... В принципе его могли доставить и по воздуху, скажем, на каком-нибудь частном вертолетике – их же сейчас как собак нерезанных. Ну а я свяжусь с Министерством обороны – может быть, они чем-то помогут...

В этот момент лежащий перед ним на столе сотовый разразился громкой трелью. Это был капитан Дунаев из Еремеево. Поздоровавшись, опер сокрушенно сообщил, что в их краях еще с ночи внезапно разыгралась дикая пурга.

– Вон уже рассвело, а в окне ничего не видно – один только снег крутит. И что за ерунда?! Такой пурги я еще никогда не видел. Снег несет охапками. Прямо как у Пушкина: домового ли хоронят, ведьму ль замуж выдают... Лев Иванович, как и предполагалось, я еще вчера подготовил две поисковые группы, чтобы они порыскали по лесу. Но теперь вот не знаю, как и быть... Что посоветуете?

Услышанное Льва неприятно удивило и раздосадовало – надо же, какой хреновый «подарок» преподнесла погода!

– Ну что тут можно посоветовать? Понятное дело, посылать людей теперь без толку – следы, какие были, наверняка замело. К тому же и людьми рисковать не хотелось бы – мало ли что может произойти в такую погоду? Так что отбой!

Виновато закашлявшись, капитан снова заговорил:

– Лев Иванович, когда пурга стихнет, я все же пару человек снаряжу на снегоходах – вдруг что-нибудь удастся обнаружить? И еще... Наш судмедэксперт вчера произвел вскрытие умершего и установил, что смерть наступила по причине остановки сердца на фоне полного отказа почек. Взяли его отпечатки пальцев, но они очень некачественные. Судмедэксперт считает, что папиллярные линии специально были стерты каким-то непонятным способом. Возможно, мелкой наждачной бумагой.

– Вот даже как? – удивился Гуров. – Судя по всему, наш покойничек очень, очень непростой... Что-то еще есть?

– Да, есть. В правой подмышечной впадине обнаружена непонятная татуировка – змея с крыльями летучей мыши.

Услышав про крылатую змею, Лев задумался. Такого типа символы тайных, в том числе и криминальных сообществ ему еще не попадались.

– Вот что... – задумчиво обронил он. – Тело умершего нужно доставить в Москву, в морг судебно-медицинской экспертизы. Этот вопрос мы сегодня обсудим, о результатах вам сообщим. И еще. Будьте добры, скопируйте все письменные и фотоматериалы и электронной почтой срочно сбросьте мне. Мой адрес запишите...

Закончив разговор, Лев положил телефон и развел руками:

– Все, Стас, твой вояж в Еремеево отпадает начисто. Там жуткая пурга – как говорится, добрый хозяин собаку не выгонит.

– Ни хрена себе, «удружила» нам погодка! Закон подлости, блин... – неопределенно хмыкнул Крячко.

– Самое интересное, вчера вообще не было даже каких-то намеков на теперешнее светопредставление. – Гуров встал из-за стола и прошелся по кабинету. – Да-а-а... Следов нашего «снежного человека» в лесу, понятное дело, уже не найти, и не определить, откуда именно он бежал в сторону железной дороги. Сейчас коллеги должны прислать все материалы по этой истории. Давай поступим так... Его фотографию я дам информанщикам – пусть пробьют по всем базам данных. Ну, а мы с тобой, в режиме свободного поиска, едем по городу. Я, наверное, отправлюсь в Минобороны, а ты дуй по спортивным конторам. Прежде всего в федерации силовых единоборств – борьбы, бокса, боев без правил... Судя по мускулатуре, он едва ли мог быть гимнастом или там волейболистом.

– Ну, а что? Нормальная идея... Поедем. Где-нибудь что-нибудь да просочится! – Безмятежно потянувшись, Стас тоже поднялся из-за стола.

В Минобороны молодой полковник, узнав о цели прибытия сотрудника сыскного ведомства, охотно согласился помочь. Они отправились в министерский архив, где пожилой майор, выслушав Гурова, пошел рыться в шкафах и стеллажах, забитых папками и скоросшивателями, как допотопно-картонными, так и ультрасовременно-пластмассовыми, заполненными пластиковыми файлами. Вскоре он принес папку с отпечатанными на принтере снимками татуировок, которые имели обыкновение наносить себе некоторые представители различных родов войск.

– Это моя личная коллекция... – с долей иронии отметил майор. – Официально тату у нас не одобряется и не поощряется. Ну, сами согласитесь, что любая татуировка для противника – кладезь информации. Но их все равно себе наносят. Вот я в неофициальном порядке и собираю на досуге образцы такой накожной «живописи»...

Даже не заглядывая, он пролистал татуировки ВДВ, артиллеристов, танкистов, ракетчиков, авиацию, флот, остановившись на творчестве татуировщиков из морской пехоты. Здесь обнаружилось не менее полусотни образцов всевозможных эмблем, символов и даже сюжетных картинок. Майор неспешно начал листать свою коллекцию, лаконично комментируя наиболее характерные рисунки. На вопрос Гурова о змее с крыльями летучей мыши он лишь пожал плечами – такого символа видеть ему еще не доводилось.

Как оказалось, в его коллекции якорей с канатом (цепью, с ножами, акульими плавниками и еще черт-те чем) имелось больше всего. Лев, ожидавший, что нужное ему попадется чуть ли не в самом начале этой «галереи», с огорчением был вынужден констатировать, что белый медведь с автоматом почему-то не из самых распространенных сюжетов. По мере того как уменьшалась правая стопка распечаток и увеличивалась левая, изначальный оптимизм Гурова начал катастрофически таять. Он уже и не всматривался во всех этих оскаленных хищников семейства кошачьих, пикирующих орлов, свирепых барракуд и осьминогов, механически наблюдая за процессом поиска... И вдруг, подняв самый последний лист, майор объявил:

– Вот и ваш медведь!

Взглянув на рисунок, Гуров сразу же узнал татуировку «снежного человека» – она! Здесь же значилось, что данный образец армейской тату-самодеятельности был замечен у бойцов разведроты 18-й десантно-штурмовой бригады Северного флота. Удовлетворенно кивнув, майор снова отправился на поиски. Минут через десять он принес большущий штабель учетных карточек. Теперь они уже втроем, сверяясь с фотоснимком умершего, стали искать среди личного состава ДШБ того, кто мог бы быть на него похож.

Из сотен тех, кто несколько лет назад прошел через это подразделение, выбрать удалось троих, кто реально походил на «снежного человека». Понятное дело, сделать это было весьма и весьма непросто – попробуй найди среди сотен лиц еще совсем молодых пацанов уже достаточно зрелого мужчину, причем по его посмертному снимку. Благо в карточках указывались антропометрические данные – рост и обхват грудной клетки, это позволило отсеять как минимум четыре десятка человек.

Глава 3

Переписав личные данные всех троих морпехов, Гуров поблагодарил офицеров за помощь и отбыл в Главк. Первым делом он зашел к информационщикам и поинтересовался у Жаворонкова, не так давно ставшего майором и начальником этого отдела, что его сотрудникам удалось «накопать» к этому моменту. Но, как выяснилось, «раскопки» оказались безуспешными. Разводя руками, Жаворонков пояснил:

– Лев Иванович, посмертное фото достаточно редко бывает точной копией прижизненного. У бедной техники все ее электронные мозги закипели от перегрузки. Компьютер выдал пять вариантов того, кто бы это мог быть. Лица вроде похожи, но по антропометрии не подошел ни один. Про отпечатки пальцев – и говорить нечего. Они могут подойти лишь для приблизительного уточнения уже заранее известного результата. А как основной фактор в опознании – нет, не проходят.

– А что по пропавшим без вести за последние несколько дней?

– Тоже ничего дельного. Ребята проработали базу данных почти за полмесяца, но ни одного похожего вообще нет. Может быть, близкие этого «снежного человека» о нем еще не заявляли? Будем искать. Да, и по поводу крылатой змеи – тоже ничего дельного. Так-то в символике некоторых сект, криминальных группировок и тому подобного пресмыкающиеся с крыльями есть, но не от летучей мыши.

– Ничего, Валера, отрицательный результат – это тоже результат, – ободряюще резюмировал Лев, доставая из папки список морпехов. – Вот тебе новая пища для размышлений. Этих троих граждан пробей по всем возможным базам данных. Надеюсь, хотя бы один из них окажется тем, кто нам нужен.

Утвердительно кивнув, Жаворонков взял список и, пробежав его глазами, прочел вслух:

– Так, значит... Ариничев Виталий Андреевич, восемьдесят шестого года рождения, Томск. Фрол Романович Пятый, восемьдесят пятого года рождения, Нижний Новгород. Зелененко Дмитрий Георгиевич, восемьдесят седьмого года рождения, Белгород. Все, приступаем! О результатах буду докладывать по мере их получения.

Выйдя из информотдела, Гуров увидел куда-то спешащую секретаршу Орлова Верочку.

– Лев Иванович, вас Петр Николаевич хотел бы увидеть... – проходя мимо, сообщила та.

Свернув в сторону кабинета начальника Главка, Лев достал телефон и созвонился со Стасом. Тот откликнулся после третьего или четвертого гудка.

– Ну, что там у тебя?

– Пока – ничего дельного... – огорченно выдохнул Крячко. – Пообщался с боксерами – не знают такого. Был у самбистов, у греко-римлян и «вольников» – тоже без понятия. Сейчас еду к «восточникам», а потом к тем, что без правил. А у тебя?

– Предполагаемые варианты есть, но это сейчас уточняется информационщиками. Чего-то Петро меня жаждет узреть. Может, что-нибудь еще подкинуть хочет?..

Войдя в кабинет Орлова, он застал его взирающим на экран телевизора. Там шел выпуск новостей. Ответив на приветствие, генерал указал взглядом на экран телевизора:

– Только что рассказывали про этого твоего «снежного человека». Видимо, начальник поезда доложил о случившемся своему руководству, оттуда произошла утечка, и теперь наши СМИ гарантированно начнут охоту за подробностями. Мне уже звонили из министерства, спрашивали, какую мы предполагаем дать информацию газетчикам и телевизионщикам. Сказал, что самую общую. Так что, Лева, смотри...

– Смотрю, смотрю! Как говорят в таких случаях, «не первый год замужем», – иронично усмехнулся Гуров. – Я бы вообще не стал хоть что-то давать на эту тему. Сто из ста – те, что бросили этого бедолагу в лесу, за информацией следят и теперь какие-то свои планы наверняка

подкорректируют. Надо думать, они никак не ожидали, что он окажется таким морозостойким и сможет добежать до железной дороги. Вряд ли предполагали и то, что кто-то остановит поезд и заберет его с собой. Не исключено, теперь у них полны штаны пессимизма: а вдруг он что-то успел сказать? Кстати, в новостях об этом не упоминали?

– Нет, ни слова. Они расспрашивали о случившемся проводницу твоего вагона. Ну, она в общих чертах рассказала про то, как «один из пассажиров» остановил поезд, как с двумя добровольными помощниками занесли в купе неизвестного мужчину и как еще один пассажир оказал ему медицинскую помощь. Да, сказала еще, что на станции Еремеево потерпевшего забрали врачи «Скорой».

Потерев лоб, Гуров озабоченно отметил:

– Надо срочно связаться с Дунаевым... Это опер из Еремеево. Пусть выйдет на медиков и отслеживает все входящие к ним телефонные звонки – вдруг интересующие нас граждане начнут выяснять, что с потерпевшим и где он может быть?..

Он достал свой телефон и быстро набрал номер капитана. Тот, выслушав Льва, пообещал немедленно отправиться в «Скорую» и райбольницу.

– Все будет под контролем, Лев Иванович! Значит, всем любопытствующим нужно давать информацию, что этот гражданин жив, но пока что находится в коме, его увезли в какую-то крупную московскую клинику. Приступаю!

Орлов побарабанил пальцами по столу и с сомнением поинтересовался:

– Ты считаешь более целесообразным, если неизвестные нам преступники будут думать о том, что «снежный человек» все еще жив? Но тогда они и в самом деле начнут менять свои планы, и эта хиленькая зацепка про Челябинск окажется бесполезной. Может быть, наоборот, пусть знают, что он умер, и действуют, ничего не опасаясь? Тогда у наших коллег будут хотя бы какие-то шансы их задержать. Я с Челябинском еще вчера созвонился, там все уже в «готовности номер один».

– Никакая «готовность номер один» не гарантирует полной безопасности всего города, – возразил Гуров. – К каждому объекту охрану не поставишь. А если эти негодяи будут знать, что он жив, что может их «засветить», то они свои планы, скорее всего, не изменят, а отложат. А это дает нам шанс выиграть время. Мне вот тут кое-что удалось найти в Минобороны, да и Стас, гляди-ка, что-нибудь обнаружит. И как только мы будем знать имя «снежного человека», у этих граждан начнется обратный отсчет их пребывания на свободе.

– Хорошо! Ты ответственный за проведение расследования, тебе и решать, – вздохнул Орлов. – А Стас сейчас где?

– Ездит по федерациям силовых видов спорта, пытается выяснить, не состоял ли наш «клиент» в какой-то из них. У борцов и боксеров уже был, но те за своего его не признали.

– То есть, получается так, что, если мы не выясним, кто он такой, этот «снежный человек», то расследование зависает очень серьезно?.. Да-а-а... Проблемка! Ну а ты чем сейчас думаешь заниматься?

– Порыскаю по соцсетям, – пожав плечами, ответил Лев. – Там можно найти не только бывших одноклассников и однокурсников, но и бывших сослуживцев. Даже бывших сокамерников. Вдруг кто-нибудь из морпехов что-нибудь знает про бывшего своего коллегу с татуировкой белого медведя?

– Ну занимайся, удачи... – кисло ватно пожелал генерал, принимаясь за лежащие перед ним бумаги. – Да! Чуть не забыл. За этим усопшим в Еремеево машина уже выехала. Как только его привезут, им будет заниматься Дроздов.

Усевшись за компьютер в своем кабинете, Гуров с головой ушел в дебри Интернета. Он нашел сайт, на котором общались бывшие морские пехотинцы, и сделал запрос по поводу татуировки с белым медведем, выложив там посмертное фото «снежного человека». Вскоре он получил несколько ответов, из которых явствовало, что подобный рисунок у морпехов

появился где-то в конце первого десятилетия двухтысячных. Как раз в ту самую пору, когда Россия, к недовольству европейских соседей и США, продолжила освоение Арктики и начала формировать воинские подразделения, предназначенные для обороны наших заполярных территорий. Вот тогда-то в одной из частей морской пехоты некий умелец и начал делать своим сослуживцам такого рода наколки.

Кроме того, еще один из откликнувшихся поведал о том, что бойцы 18-й бригады в обязательном порядке накалывали себе лишь якорь, а вот медведя изначально татуировали единицы. Лишь уже ближе в пятнадцатому году это стало массовой традицией. Впрочем, эта информация, по сути, ничего не давала в плане идентификации неизвестного на снимке. А вот самый ценный ответ прислал последний из откликнувшихся. По его словам, человек, изображенный на фото, проходил службу, предположительно, в две тысячи седьмом году, и его фамилия – то ли Шутырин, то ли Бутырин.

«А вот это уже интересно! – мысленно констатировал Лев, испытал уже знакомый, едва ощутимый зуд в позвоночнике, что с ним бывало в те моменты, когда ранее бесплодные попытки вдруг сменялись настоящей удачей. – Похоже на то, что речь идет именно о Пятырине...»

В этот момент дверь распахнулась, и в кабинет вбежал запыхавшийся, красный от мороза, но чрезвычайно довольный Станислав Крячко. Сняв загрубевшую от мороза кожанку, он сел за свой стол и с некоторым даже ликованием объявил:

– Нашел! И угадай – где?

– Ну, скорее всего, у этих, что дерутся без правил... – невозмутимо ответил Гуров.

Стас многозначительно ухмыльнулся и продолжил:

– Ответ правильный, но нуждается в уточнении: «бои без правил» – термин для «чайников» от спорта. Официально же это называется «смешанные боевые искусства», по-английски – «эм эм эй».

Крячко рассказал, что в клубе ему удалось застать тамошнего президента, который и просветил его по части нюансов в названии этого вида спорта. С опознанием «снежного человека» по снимку получилась некоторая заминка. Президент клуба долго всматривался в лицо умершего и лишь потом смог назвать его имя.

– Короче, Лева, – прищурившись, продолжал Станислав, – в этом клубе – он называется «Атлант» – года три назад появился профессиональный боец по прозвищу «Медведь», который в средней весовой категории уверенно шел к мировому чемпионству. Где и в каких клубах состоял ранее, президент не припомнил. Но он рассказал, что Медведь успел «засветиться» на нескольких европейских командных первенствах. Его фамилия Корнилин, звали – Иван, он восемьдесят пятого года рождения, уроженец Москвы. О! Чего это ты так поскучнел? – насторожился Крячко.

А Лев, услышав, как зовут «снежного человека» по версии Стаса, и в самом деле испытал некоторое разочарование: выходит, зря он столько времени промотался по городу? Почесав висок, он сдержанно пояснил:

– Видишь ли... Дело в том, что результаты наших поисков существенно различаются. На роль нашего покойничка я нашел трех кандидатов, но ни одного из них не зовут Иваном Корнилиным... – Гуров нахмурился и побарабанил пальцами по столу. – Ну, Корнилин так Корнилин... Сейчас надо созвониться с архивом Минобороны, попросить сотрудников найти данные по этому Корнилину.

Он набрал номер и, услышав голос майора-архивариуса, изложил свою просьбу. Тот пообещал обязательно позвонить, но не раньше чем часа через полтора, и в трубке раздались короткие гудки.

– Чего там говорят? – поинтересовался Станислав.

– Говорят, что нам с тобой пора идти на обед! – с наисерьезнейшим видом ответил Лев. – Вроде того, никак нельзя допустить, чтобы товарищ Крячко остался голодным.

Сообразив, что он элементарно прикалывается, Стас ему охотно подыграл:

– Да, да, разумеется! Товарищ Крячко не должен сбавить в весе – ни в физическом, ни в служебном. Поэтому немедленно идем в харчевню!

Они отправились в ближайшее к Главку кафе, где можно было вкусно и сытно подкрепиться. Там, как всегда в это время, было полно студентов из расположенного неподалеку фармацевтического колледжа. Поскольку свободные места были в явном дефиците, приятели уже собрались уходить, говоря по-народному, «не солоно хлебавши», но тут зоркое око Стаса засекло два свободных места за столиком, занятым молоденькими студенточками. На вопрос оперов, не возражают ли девушки против соседства с ними, те, лишь беззаботно рассмеявшись, лаконично уведомили:

– Садитесь!..

Получив заказанные блюда, опера приступили к обеду. Девчонки, неумолчно щебеча о чем-то своем, фармацевтическом, неспешно употребляли диетические салаты. Неожиданно запиликал телефон Гурова, лежавший перед ним на столе. Лев поднял трубку и услышал голос майора-архивариуса:

– Товарищ полковник, я проверил состав 18-й бригады, начиная с две тысячи второго. Там не оказалось ни одного Ивана Корнилина. На всякий случай я пробил данные по другим подразделениям, несущим службу на Крайнем Севере. Нашел одного Владимира Корнилина, но он до сих пор служит в звании прапорщика. Был Евгений Корнилин, но этого Корнилина три года назад комиссовали по причине серьезной травмы коленного сустава. Больше никаких Корнилиных нет.

– Что там, что там? – замерев с поднятой ложкой, зачастил Крячко.

– Хре... Гм-гм!.. Скверно. Оказалось, что Федот – совсем не тот... – сунув телефон в карман, недовольно помотал головой Лев. – Не было в заполярной бригаде морской пехоты бойца с такими паспортными данными. Сейчас идем к себе и, по сути, начинаем все сначала. Нам опять надо – думать, думать и думать.

– Опять все сначала?! – Стас изобразил мученический вид. – Дайте мне кило стрихнина! Девушки, это не к вам... – поспешил он уточнить, поймав удивленный взгляд студенток.

К его удивлению, студентки оказались девчонками «с перцем».

– Стрихнина нет. Только цианистый калий! – смеясь, уведомили они и, поднявшись из-за стола, направились к раздевалке.

– Во дает молодежь! – восхитился Крячко, глядя им вслед. – Приколистки еще те... Эх, где мои семнадцать лет?! – сокрушенно вздохнул он, принимаясь за второе.

Вернувшись в кабинет, опера еще раз обсудили каждую деталь происшедшего со «снежным человеком». Для начала попытались хотя бы приблизительно определить, кем же он мог быть на самом деле. После не самой долгой дискуссии решили оставить за основу первоначальную версию Гурова о том, что неизвестный ранее мог быть морпехом-контрактником, а позже – профессиональным спортсменом из сферы силовых единоборств. Затем приятели попытались прикинуть, кем бы он мог быть еще. Станислав высказался за то, что умерший вполне мог оказаться охранником какого-нибудь туза, который чем-то не угодил своему боссу и за это был обречен на неминуемую смерть. Впрочем, Гуров тут же поставил вопрос о том, что могли бы значить последние слова «снежного человека» в этом контексте.

– Ну, если его босс – из главарей ОПГ, то... То тут все – яснее ясного. Этот момент мы с тобой уже обсуждали – он мог иметь в виду серию крупных ограблений, – авторитетно уведомил Станислав.

Согласившись, что эта версия у них уже имела место быть, Лев продолжил изложение возможных вариантов того, почему и при каких обстоятельствах неизвестный оказался в

неглиже в зимнем лесу. Например, он мог быть представителем агентства полукриминального пошиба, которое берет заказы на проведение каких-либо незаконных акций в ходе конкурентной борьбы частных собственников. Сегодня есть и такие. А почему бы нет? Например, в наши дни стало уже чуть ли не официальной профессией такое явление, как «выживальщики» – наемные отморозки, создающие хозяевам спорных квартир невыносимые условия, вынуждая их тем самым или продавать свою долю жилплощади за бесценок или вообще уходить ни с чем.

Так что нет ничего удивительного и в появлении таких «профи», которые по заказу той или иной корпорации убивают репутацию конкурентов заказчика. Что, если «снежный человек» получил задание совершить нечто очень опасное, способное нанести вред здоровью потребителей, но отказался это делать, за что был изощренно убит?

– Вспомни криминальную историю с «тайленолом» в США, когда в лекарство, выпущенное какой-то фармкомпанией, кто-то добавил отраву. Предполагались конкуренты, но виновного так и не нашли. А в Японии был случай, когда отравили конфеты одной из кондитерских фирм.

– И что, кто-то умер? – уточнил Станислав.

– Да, в Штатах умерло несколько человек. По-моему, в Японии тоже. Американская фармкомпания чуть не вылетела в трубу, но удержалась на плаву ценой десятков миллионов долларов.

– Ну, и ты хочешь сказать, что-то похожее появилось и у нас? – недоверчиво спросил Крячко.

– Думаю, этого никак нельзя исключать... Последние годы наш современный мир слишком быстро стал меняться. Понятное дело, при Союзе подобное вообще было бы немислимо. А сегодня в условиях капитализма, причем криминального пошиба, появиться может все, что угодно. Прежде всего надо иметь в виду, что такого рода «конторы» по дискредитации вряд ли стали бы слишком уж широко себя рекламировать. Поэтому версию о криминальной конкуренции я не предлагаю как основную, но в поле зрения ее держать стоит.

– Нет, Лева, все-таки мне кажется, что тут слишком много «белых пятен»... – продолжал сомневаться Станислав. – Допустим, так и есть – да, существует некая группировка, участвующая в нечестной конкуренции. Но тогда как увязать такую вот контору и то, что сказал «снежный человек»?

– Это лежит на поверхности... – тихо рассмеялся Лев.

По его мнению, можно предположить, что некая структура – производственная, коммерческая или финансовая, намеревающаяся стать доминирующей на своем рынке, – решила использовать иностранный опыт компрометации конкурентов. Причем не самый щадящий, даже, возможно, сопряженный с человеческими жертвами. На кону сотни тысяч (если не миллионы!) баксов «гонорара». Ради них иные могут пойти ох как далеко. И все бы складывалось вполне удачно, но у одного из членов этой шайки отчего-то вдруг проснулась совесть. Он сделал что-то не так, как было ему приказано, и из-за этого уже подготовленная операция «накрылась медным тазом». Безусловно, шайка ему этого не простила и сделала то, что сделала.

Крячко некоторое время глядел в одну точку, осмысливая услышанное, после чего, пожав плечами, задумчиво произнес:

– Ну, добро! На запасную версию это тянет. Ну а что бы ты сказал, если предположить, что «снежный человек» работал в коллекторском агентстве? Там ведь, обрати внимание, стараются набрать бывших спортсменов, военных, ментов... А?

– И что же он в качестве коллектора мог совершить такого, за что его коллеги выкинули без одежды на мороз?

– Да не коллеги, Лева, а потерпевшие! – Станислав изобразил многозначительный жест рукой. – Сколько было таких случаев, когда коллекторы и глумились над должниками, и калечили их, и даже убивали... Что, если ему устроили такую казнь за то, что он сам набедокурил?

– И как это увязать с Челябинском? – с оттенком иронии спросил Лев.

– А-а-а, блин! – хлопнул себя ладонью по коленке Крячко. – Точно, точно! Этот-то момент я и упустил. Да, дохлая получилась версия. Хорошо! Вернемся к тому, что наш усопший мог быть профессиональным спортсменом – то, что он Корнилин или... как его там, Пятырин, что ли? – мы пока не знаем. Но будем считать, что он – спортсмен. Лады! Тогда как в привязке к этому обстоятельству может смотреться версия устранения его потенциальным соперником на ринге?

– Нет, на мой взгляд, таким способом его как опасного соперника устранять не стали бы. Насколько я знаю, в большом профессиональном спорте при всех возможных зверских нравах устраняют опасных соперников, устраивая им ДТП, используя огнестрел, удар ножом и тому подобное. А вот такая изощренная казнь пахнет чистой водой уголовщиной.

– Хорошо... – кивнул Крячко. – Предположим, ты прав. Но как же все-таки нам «расшифровать» этого «снежного человека» и выйти на тех, кто с ним расправился? Как ни верти, но в данный момент мы продолжаем топтаться на месте, и просвета пока не видно.

– Хм-м... Ну почему же не видно? – покачал головой Гуров. – Допустим, у меня есть подозрение, что Пятырин и Корнилин – это одно и то же лицо. В армии он был Пятырин, а уйдя на «гражданку», стал Корнилиным. Между прочим, учитывая то, что с ним произошло, это вполне реально.

– Сделать бы генетическую экспертизу... – Станислав мечтательно причмокнул.

– Я тоже об этом подумал. И, кажется, в этом смысле есть хоть и хлипенький, но – вариант... Надо разыскать близких и Корнилина, и Пятырина, если это разные люди. Кстати, по Пятырину сделать это проще простого. Его место рождения в армейских учетных документах есть, я себе переписал. Вот, пожалуйста: Нижний Новгород, улица Пароходная, дом семнадцать, квартира шесть. А каких-либо адресов, каких-то еще личных данных Корнилина найти не удалось?

– Нет, Лева, – широко развел руками Крячко, – года два назад в офисе «Атланта» по непонятным причинам произошел пожар, и большая часть их документации сгорела. К этому времени Корнилин у них уже не состоял.

– Скорее всего, пожар был не случайным, – уверенно резюмировал Лев. – Кто-то таким способом заметал следы. Ну а так-то об этом Корнилине тебе рассказали хоть что-то характерное, конкретное?

На мгновение задумавшись, Станислав сообщил, что в общем и целом президент федерации о Корнилине знал не слишком много. Иван был из молчунов. Как про таких говорят: и нашел – молчит, и потерял – молчит. Но в разговоре он как-то сказал, что служил в морской пехоте. Обмолвился и о том, что до «Атланта» состоял в другом клубе, где впервые и вышел на ринг. Но это все. Ни о том, почему ушел из того клуба, ни о своем первом наставнике он даже не упоминал. Никто не знает и о том, откуда он родом, есть ли семья, живы ли родители...

– А ты его не спросил про татуировку крылатой змеи в правой подмышке? – выжидающе прищурился Гуров.

– Тьфу ты, черт! Забыл, блин горелый! Стареею, однако, ешкин кот... Ничего, сейчас созвонюсь с Сокольниковым... Ну, с президентом «Атланта», и все точно узнаю.

Набрав номер на своем сотовом и дождавшись отклика, Стас попросил своего собеседника припомнить, не замечал ли тот у Ивана Корнилина весьма необычной татуировки, да еще и не в самом обычном месте. Сокольников тут же подтвердил, что крылатую змею у Ивана он как-то раз заметил во время одной из его первых тренировок. После спарринга поинтересовался – что за символ и почему так спрятан. Корнилин очень неохотно пояснил суть и происхождение такого странного тату. По его словам, это был тайный символ их разведроты. Вроде того, чтобы в любой обстановке и при любых обстоятельствах («Даже если башка напроць!») можно было опознать разведчика.

Кроме того, в ходе своего повествования Сокольников припомнил еще один занимательный момент. По его словам, в их команде есть один боец с большим стажем по фамилии Фролов. Но парни, как это часто бывает, прозвали его по фамилии Фролом (кстати, Корнилин носил еще одно прозвище – Корень). И вот как-то раз Иван шел по спортзалу к раздевалке, а кто-то из парней окликнул Фролова:

– Фрол!

Корнилин, непонятно почему, резко оглянулся, как будто окликнули не кого-то, а его самого. Соколькова, который в этот момент стоял недалеко, это несколько удивило, но он понял так, что Иван, глубоко задумавшись, не расслышал, кого именно позвали, поэтому так и отреагировал.

Поблагодарив Соколькова, Стас попрощался и, отключив телефон, повернулся к Гурову:

– Ты слышал?

– Да, слышал... То есть, получается, что Корнилин и в самом деле может оказаться Пятыриным.

В этот момент раздался стук в дверь, и в кабинет вошел Жаворонков.

– Разрешите? Лев Иванович, вот, возьмите результаты – все, что удалось накопать. Кстати, что хотел бы отметить, самая мутная история с Пятыриным. Никак не удавалось найти про него хоть что-то дельное. – Он протянул Гурову лист с распечаткой текста и, пожав плечами, ушел.

Как явствовало из содержания этой справки, томчанин Виталий Ариничев на данный момент проживает в городе Томске, где после окончания института физкультуры возглавляет местную детскую спортивную школу единоборств.

Фрол Пятырин после завершения службы отправился в Питер, где оформился в клуб смешанных единоборств «Барс», участвовал в ряде клубных встреч, показав себя чрезвычайно перспективным спортсменом. Занимался там два года, одновременно учился в колледже технического профиля. Но за драку с причинением потерпевшему тяжких телесных повреждений был отчислен. В отношении Пятырина было возбуждено уголовное дело, но до суда оно не дошло, поскольку Фрол внезапно бесследно исчез.

Дмитрий Зелененко после увольнения со службы уехал в Мурманск, там женился и устроился матросом на сухогруз, на котором ходит до сих пор.

– Ну, и что думаешь по этому поводу? – закончив чтение справки, вопросительно взглянул на Стаса Гуров.

– Так... Тут – все яснее ясного. – Пятырин и Корнилин – это одно и то же лицо. Видимо, парень был силенкой не обижен, а вот в руках держать себя не умел. Кого-то по горячке отхреначил, попал под суд, состряпал «левый» паспорт и уже как Иван Корнилин отбыл в Москву. Только вот непонятно: как же он решился снова пойти в профессиональный спорт? Ведь такие люди всегда на виду, и опознать его – пара пустяков. Кстати! Теперь ясно, почему он так усердно сглаживал папиллярные линии на пальцах.

– Да, насчет пальцев – согласен, а вот насчет остального... Тут – разбираться и разбираться. Давай-ка, наверное, поедem по городам и весям, покопаем на местах. Питер и Нижний – что выбираешь?

Закрыв глаза и покрутив перед собой пальцами, Станислав ткнул указательным в указательный и объявил:

– Нижний! Когда отбываем?

– Прямо сейчас... Или ты считаешь, у нас есть время на раскачку? Нет, уважаемый, такой роскошью мы не располагаем. День еще не закончен, времени в достатке. Если воспользоваться самолетом, то до вечера можно успеть слетать в оба конца.

У Крячко от услышанного на лице отразилось запредельное недоумение. Он ошарашенно похлопал глазами, после чего осторожно уточнил:

– Это ты так шутишь?

– Стас! Какие могут быть шутки?! В ближайшее время в Челябинске может произойти черт знает что. А мы в данный момент совершенно бессильны остановить наших, так сказать, оппонентов... – сокрушенно вздохнул Лев. – Что, если дело касается жизни сотен людей? Да даже если всего одного – и то надо форсировать расследование.

– Слушай, если все так серьезно, то тогда, может быть, есть резон поставить в известность Вольнова? – предложил Крячко.

– Да, скорее всего, ты прав. Это будет нелишне... – кивнул Лев и поднял трубку городского телефона.

Их общий и давний приятель полковник ФСБ Александр Вольнов оказался на месте. Выслушав Гурова, он озабоченно уточнил:

– А ты уверен, что это и в самом деле может быть сопряжено с терроризмом?

– Саша, честно скажу: не уверен. Но в такой неопределенной ситуации гораздо лучше, как иногда говорят, «перебдеть», чем «недобдеть».

– Да, в чем-то, наверное, ты прав... Хорошо! Я возьму это на заметку и переговорю с начальством. Кстати! Что там у нас с рыбалкой? Зима скоро уже закончится, а мы ни разу еще никуда не выезжали.

– Ну, если «мон шер женераль» по итогам этого расследования расщедритя на выходные, то обязательно поедем.

Вольнов в ответ рассмеялся и спросил:

– Вы там у себя? Давай-ка прямо сейчас подъеду, обсудим этот вопрос у Орлова.

– Знаешь, Саша, может не получится. Мы буквально вот-вот отправляемся со Стасом добывать информацию – я лечу в Питер, он – в Нижний. Но ты приезжай, можешь застать Стаса – у него самолет на час позже. Зайди к Жаворонкову – он уже кое-что накопал и продолжает рыть в этом направлении. И к Петру не забудь... Ну а мы, я думаю, уже завтра будем здесь, отзвонимся, встретимся, обсудим.

– Хорошо, тогда до завтра. Счастливо вам! До связи... – В трубке раздались короткие гудки.

Глава 4

Оформление командировочных заняло не более двадцати минут. Пока Лев получал деньги на билеты и суточные, Жаворонков созвонился с кассой аэропорта и заказал билеты. Поскольку до отбытия борта, на котором Гурову предстояло лететь в Питер, оставалось чуть больше часа, он, не задерживаясь ни на секунду, на служебной машине отправился в аэропорт, захватив с собой из шкафа свою «дежурную» сумку. В пути позвонил Марии, предупредив о том, что его до завтра не будет. Та, уже давно привыкнув к таким скоропалительным вояжам мужа, лишь вздохнула и пожелала счастливого пути.

Еще когда Лев подъезжал к Шереметьево, ему позвонил Жаворонков и сообщил адрес штаб-квартиры спортивного клуба «Барс». Пролетев почти полтора часа в полете, Лев вышел в Пулково и, взяв такси, отправился на улицу Токарную, где и базировались бойцы смешанных единоборств. Таксист, судя по всему, будучи из коренных питерцев, к тому же обожающий советское ретро, всю дорогу слушал льющееся из динамиков «Город над вольной Невой, город нашей славы трудовой...» и «Я вернулась в свой город, знакомый до слез...».

Остановившись перед многоэтажкой, вдоль которой стояли заснеженные липы, таксист объявил:

– Вот он – ваш «Барс». Вход – вон, правее того подъезда. Они в полуподвале, но обстановка вполне приличная – я там был, мне понравилось. Вот только лупят друг друга уж очень немилосердно...

Поблагодарив таксиста и расплатившись, Гуров направился к железной двери с пластиковой табличкой «Клуб смешанных единоборств «Барс». Дверь оказалась не заперта, и он вошел в просторный вестибюль с раздевалкой, в которой сидела пожилая женщина, скучающе перелистывавшая какой-то журнал. Увидев незнакомого визитера, она вышла из-за барьера и заинтересовалась:

– Извините, вы к кому?

– Добрый день! Мне бы увидеть кого-нибудь из руководства клуба... – улыбнувшись, показал удостоверение Лев.

– Присаживайтесь! – Гардеробщица указала рукой на скамейку с мягкой обивкой. – Директор клуба, его зовут Федор Андреевич, минут через десять должен подойти. А вы по какому вопросу, если не секрет?

– Да какие тут секреты!.. Я хотел бы расспросить про некоего Фрола Пятыхина, который вроде бы одно время здесь состоял. Не припомните такого?

– Ну как же, как же! Конечно, помню! – закивала женщина. – Хороший парень, совестливый, очень порядочный и вежливый, всегда со мной здоровался, а если что помочь – он самый первый. Когда он куда-то враз запропастился, все очень из-за него переживали. Было подозрение, что его могли убить бандиты.

– А за что они его могли убить? Кто-то мне уже рассказывал, что он с кем-то сильно подрался, и в отношении него даже возбуждали уголовное дело.

– А вы его не из-за той истории разыскиваете? – нахмурилась гардеробщица.

– Нет... Вот на этом фото вы могли бы кого-нибудь узнать? – Лев достал из кармана посмертное фото «снежного человека» и показал ей.

Та, с удивлением и испугом взглянув на лицо умершего, тихо ахнула и почти шепотом спросила:

– Он что, умер?

– Да, человек, изображенный на снимке, умер. Поэтому мы сейчас и пытаемся выяснить: кто именно это мог бы быть?

– Вы знаете, на Фрола вроде бы похож, но твердо сказать, что это он и есть, – не рискну. У Фрола нос был прямой, а здесь – с горбинкой, уши чуть оттопырены, а здесь – прижаты...

Ее последние слова заглушило пиликанье телефона, донесшееся из кармана Гурова. Нажав на кнопку включения связи, Лев услышал голос судмедэксперта Главка Дроздова.

– Лев Иванович, с трупом неизвестного гражданина я работу закончил и могу лишь подтвердить диагноз, поставленный моими коллегами, – отказ работы почек из-за крайнего переохлаждения организма. Плюс большая кровопотеря, из-за двух глубоких укусов, нанесенных, скорее всего, клыками зверя, скорее всего волка. Окончательное заключение – смерть от остановки сердца вследствие паралича миокарда после сразу нескольких локальных инфарктов. Оно не выдержало запредельной перегрузки... Кстати! На его лице я обнаружил следы пластической операции по изменению внешности. Сделали ее примерно года три-четыре назад.

– Что конкретно меняли? – сразу же насторожился Гуров.

– Форму носа, положение ушей, скулы. Видимо, работал хороший спец – шрамы заметны лишь при очень тщательном осмотре. Кроме того, я взял пробы на биохимию и генетику. Завтра отдам специалистам на ДНК-экспертизу.

Поблагодарив судмедэксперта, Лев нажал на кнопку отбоя, и телефон тут же снова взорвался трелью звонка. На этот раз звонил капитан Дунаев из Еремеево. Его голос звучал устало, но с нотками оптимизма. Поздоровавшись, он сообщил, что сегодня в течение дня в леса выезжали две команды поисковиков на «Буранах». Помимо сотрудников райотдела, управлявших снегоходами, Куликов привлек к поискам следов «снежного человека» двух опытных охотников, хорошо знавших тамошние леса на десятки верст в каждую сторону.

Безусловно, вчерашняя пурга уничтожила, по сути, любые следы пребывания человека в зимнем лесу. Но тем не менее упорство оперов и опыт охотников позволили в, казалось бы, безнадежных условиях получить некоторые результаты.

– Группа в составе прапорщика Николаева и охотника Хасаддинова обнаружила на поляне, километрах в пяти от железнодорожной линии, засыпанные снегом два трупа волков, самца и самку. Я так понял, это и есть те волки, которые напали на нашего «снежного человека» и нанесли ему укусы. Как можно было судить из картины случившегося на поляне, волки догнали этого гражданина и одновременно напали на него с двух разных сторон. Но он, как я понял, вовремя обнаружил их появление и успел вооружиться огломанным с дерева сухим, острым суком. Свое оружие он умудрился в момент атаки самца загнать хищнику в глотку, разорвав ему сонную артерию. Волчицу, которая в двух местах успела укусить его в бедро, он, тут я могу только предполагать, оглушил ударом кулака по голове, после чего свернул ей шею.

– Ну и ну! – удивленно воскликнул Гуров. – Такого я еще ни разу не слышал. Силен был, силен!.. Ничего не скажешь.

– Другая группа поисковиков километрах в десяти от того места, где «снежный человек» выбежал из леса, нашла еще одну поляну, откуда, скорее всего, он и начал свой путь.

– А как это удалось определить? Там что-то обнаружилось? – недоверчиво уточнил Лев.

– Охотник Ткачук заметил задетую винтом вертолета крону одной из елей – там ветки были порублены так, как будто по ним в одном месте сверху вниз прошла пила огромной циркулярки. Отсюда можно сделать вывод, что потерпевшего на ту поляну доставил мини-вертолет. Поисковики об этих следах сообщили мне по телефону, и я тут же проехал по ближайшим селам. В селе Горюновке нашелся человек, который позавчера после полудня видел в небе мини-вертолет, судя по его описанию, что-то наподобие американского «Робинзона».

– Он совершал посадку?

– Да, если смотреть от его дома, примерно в том месте, где и находится поляна, на которой Ткачук нашел поврежденную крону ели. Минут через пять вертолет поднялся и улетел в сторону райцентра Бугры, но, видимо, полетел куда-то гораздо дальше. Я заезжал в Бугры.

Говорил с коллегами, с местным населением, но все в один голос утверждают, что в их краях у частных владельцев вертолетов нет, и никакой вертолет в их городке посадки не совершал.

Кроме того, по информации еремеевских медиков, в центральную райбольницу сегодня поступил анонимный звонок. Неизвестный, представившись родным братом потерпевшего, пытался получить информацию о его состоянии. Попытка оперов выяснить, кто и с какого номера звонил, ничего не дала – звонок в ЦРБ поступил с уличного таксофона, установленного в областном центре.

Поблагодарив за интересную информацию, Гуров неожиданно спросил:

– Капитан, а поработать в нашем Главке желания не возникало? Чувствую, ты бы нам подошел. Вижу, что есть у тебя и «соображалка», и хватка, и хороший профессиональный азарт. Как?

Тягостно вздохнув, Дунаев ответил, что сам-то он был бы не против, но его «половина» в жизни не согласится на переезд в Москву.

Закончив разговор с капитаном, Лев виновато развел руками:

– Прошу извинить – служебные дела!

– Да, вижу... – понимающе улыбнулась гардеробщица. – Беспокойная у вас работа. Насчет Фрола что я еще могу сказать? Да, были, были на него нападки каких-то отморожков. Как я слышала, незадолго до того, как пропасть без вести, шел он с тренировки домой и увидел, как трое мордovorотов приставали к девушке, хотели заставить ее сесть в их машину. Он вмешался. Те на него с кулаками, один даже с ножом. Фрол им дал хороший отпор, а того, что с ножом, так припечатал, что тот упал и головой ударился об угол бордюрной плиты. Приехала «Скорая», потом полиция. Фрола обвинили в том, что он сам завязал драку. То, что говорила девушка, никто и слушать не стал. Потом только стало известно, что эти трое – детки наших местных больших чинов. А тот, что был с ножом, – сынок какого-то областного министра.

– Вон оно что... – Гуров нахмурился и удрученно покачал головой. Он не выносил, когда в угоду разного рода мерзавцам люди, призванные защищать закон, на самом деле предавали его.

На вопрос, с кем из членов клуба Пятыйрин поддерживал самые близкие отношения, женщина припомнила, что самым закадычным другом Фрола был один из лучших бойцов «Барса» Борис Нечаев.

– Последние дни он не приходил – потянул сухожилие, бегал в клинику на процедуры. Может, сегодня появится? О! А вот и Федор Андреевич! – сообщила гардеробщица, увидев в дверях крупного мужчину пенсионного возраста.

Узнав, кто к ним пожаловал, директор клуба простецки подал руку и лаконично представился:

– Федор Дробнов. Вы насчет Фрола? Идемте ко мне. Поговорим... Клавдия Павловна, если я задержусь, тренировку пусть проводит Ядрин.

– Хорошо, Федор Андреевич, передам! – принимая пальто, пообещала та и добавила, обращаясь к Гурову: – Забыла вам сказать... Тут, в раздевалке, лежат кое-какие вещи Фрола – несколько фотографий, блокнот с графиками тренировок, его спортивная форма. Они остались у него в шкафчике. Он не пришел, а мне выкинуть было жалко – а вдруг появится?

Клавдия Павловна быстро ушла в глубь гардероба и через минуту появилась с большим пластиковым пакетом, в котором лежали майка, шорты, специальные перчатки и обувь, наподобие «борцовок». Лев сразу же отметил, что и форма спортсмена тщательно отстирана и наутюжена, и обувь с перчатками дотошно вымыты, что заведомо не давало шанса найти хоть что-то, пригодное для ДНК-экспертизы. Следом за Дробновым он прошел в его кабинет, обставленный по-спортивно строго, без гламурных выкрутасов. Хозяин кабинета включил чайник, и Гуров для начала разговора достал из пакета с вещами Пятыйрина его блокнот с десятком фотографий. Практически все они были сняты в ходе тех или иных соревнований. На одних

снимках Фрол вел напряженную схватку со своим соперником, на других стоял на пьедестале почета с кубками и медалями. И лишь на одном снимке Пятырин был в обычной одежде и обнимал за плечо хорошенькую светловолосую девушку. Гурову сразу бросилось в глаза, что у Фрола Пятырина появились усы – на армейской учетной карточке у него усов не было.

Пробежав глазами снимки, Дробнов достаточно бегло их прокомментировал:

– Это вот – межклубная встреча в Самаре. Здесь Фрол занял первое место в среднем весе. Это момент его схватки с лидером первенства Андреем Цымаловым. Боец очень сильный и перспективный, но Фрол оказался сильнее. Здесь встреча в Омске, схватка с Николаем Терехиным, чемпионом России. Ему он уступил по очкам и стал вторым. Но это второе место стоит иного «золота».

Дойдя до снимка с девушкой, Федор развел руками:

– Сказать честно, о его делах сердечных вообще не в курсе дела. Знаю только, что парень он был глубоко порядочный, настроенный на серьезные отношения. У наших хлопцев по девчонкам избегаться – нет проблем. Парни все видные, накачанные, как мужики – супер, элита. Поэтому у большинства по куче поклонниц, готовых на все, лишь бы добиться внимания с их стороны. А вот Фрол – нет, этот другой. С кем-то он встречался, это я знаю. Но вот с кем, как ее зовут – совершенно без понятия.

На вопрос об Иване Корнилине он сказал, что такого человека не знал вообще. Посмертный снимок неизвестного Дробнов рассматривал долго и придирчиво. Наконец, положив фото на стол, пожал плечами и вздохнул:

– Не могу уверенно сказать – ни «за», ни «против»... Конечно, в душе я надеюсь, что это – не он. Но, к сожалению, есть сходство с Фролом. Да, что-то похожее в лице все же есть. Кстати, у Фрола, как вы уже заметили, были аккуратные такие усы. А вот на снимке у потерпевшего их нет. А ну-ка, попробуем прилепить – что у нас получится?..

Он достал из ящика стола квадратик синего стикера и ножницы. Отрезав узенькую полоску с клейкой стороны, два кусочка полоски прилепил на лицо умершего. Еще раз рассмотрев снимок в самых разных ракурсах, он недоуменно хмыкнул:

– А вы знаете, теперь сходство усилилось. М-да-а-а-а...

Выслушав его, Лев спросил о татуировке крылатой змеи, на что Дробнов, не задумываясь, категорично уведомил: ничего похожего у Пятырина не было, за что он мог бы ручаться.

Взглянув на большие настенные часы, где часовая стрелка уже перевалила за цифру восемь, Гуров заговорил снова:

– Перед самым вашим приходом я получил информацию от нашего судмедэксперта, который установил, что несколько лет назад этому человеку была сделана пластическая операция по изменению внешности. Как вы считаете, Фрол мог пойти на такой шаг? И самое главное – для чего?

Подперев голову кулаком, Федор вновь долго смотрел на снимок умершего. Он еще раз сравнил его с прижизненными фото, после чего хмуро пояснил:

– Видите ли, как мне потом рассказал его друг, Боря Нечаев, папаша одного из этих поганцев сделал «заказ», чтобы Фрола в заключении убили. Собственно говоря, если разобратся, они кто – эти трое «уважаемых господ»? Бандиты из девяностых, развернувшиеся на деньги, добытые утюгами и паяльниками. Вы мне покажите хоть одного из миллионеров, который свое состояние заработал честным путем. Таких – скудные единицы. Все остальные тем или иным боком вышли из криминала. Да, с виду они вполне цивилизные бизнесмены. А в душе бандитами так и остались. Поэтому я не исключаю, что он и в самом деле изменил внешность, может быть, даже и документы. Но если это он, то, надо понимать, они его все-таки каким-то образом нашли и убили... А что с ним вообще произошло, если только это не тайна следствия?

– Ну, в общих чертах рассказать могу. – Лев сложил фотографии в блокнот. – Его я увидел чисто случайно из окна поезда...

Не углубляясь в детали, он изложил историю своей встречи со «снежным человеком», рассказав и о том, что сегодня охотники нашли двух хищников, убитых, по сути, голыми руками. Хозяин кабинета выслушал это повествование, не проронив ни слова. Затем, тягостно вздохнув, отметил:

– Ну, Фрол запросто мог бы и медведя «уговорить»! С его возможностями, с его реакцией, с его умением предельно сконцентрироваться...

По просьбе Гурова Дробнов рассказал о той скандальной истории, когда Пятырин «наवेशал кренделей» зарвавшимся мажорам. Он бегло повторил то, что Лев уже слышал от Клавдии Павловны, и рассказал о последних событиях, предшествовавших исчезновению Фрола. По его словам, следствие изначально избрало обвинительный уклон в отношении спортсмена и стряпало дело в отношении него в таком ракурсе, будто он беспричинно напал на «молодых людей», которые якобы просто стояли и курили, обсуждая последние хиты рок-группы «Туннель». Мимо них прошла девушка, которая случайно (а может быть, и преднамеренно!) уронила сумочку. «Правильные юноши» вежливо ее окликнули и отдали принадлежащую ей вещь. И тут из темноты выскочил пьяный парень, который, грязно сквернословя, набросился на молодых людей. Опасаясь за девушку, те предложили ей уехать с ними, как говорится, от греха подальше. Напавший это воспринял как попытку насильно затащить девушку в машину и пустил в ход кулаки, в результате чего двое юношей получили легкое сотрясение головного мозга, а один, получив жестокий удар в лицо, ударился головой о бордюр и до крови разбил голову.

– Слышал я об этих подонках! – саркастично рассмеялся Федор. – Один – сын хозяина торговой сети алкоголем «Рюмашка», другой – сын крупного судовладельца, третий – тот, что башкой грохнулся, – сын какого-то областного министра. Кстати, в Питере его уже нет. Наворовал, урод, около пяти миллиардов и в прошлом году со всей своей семейкой смылся за границу. Теперь где-то в Канаде прячется.

Все шло к тому, что Пятырину собирались «отмотать» срок по максимуму. Шел даже разговор о восьми годах «строгача» – как за покушение на умышленное убийство. И вот за неделю до того, как должны были состояться первые слушания в суде, Фрол, находившийся под подпиской о невыезде, внезапно исчез. По этому поводу проводилось расследование, но единственное, что удалось выяснить, – в ночь исчезновения к дому, где квартировал Пятырин, подъезжал большой черный джип. Собственно говоря, на это, по сути, никто не обратил внимания – дом многоквартирный, машин подле него паркуется много, мало ли кто и зачем приехал? Единственное, чем это авто обратило на себя внимание случайного свидетеля, – машина и подъехала и убыла с выключенными фарами. Да и номера ее были чем-то обтянуты, из-за чего прочесть их было невозможно.

– И – все, Фрол как в воду канул, – сокрушенно вздохнул Дробнов. – А ведь какой был у парня потенциал! Он бы и по Европе, и по миру брал бы первые места. Я уже говорил, реакция у него – феноменальная, сила – взрывная. Ему бы еще малость технику подшлифовать, и это был бы настоящий бриллиант мирового спорта.

На просьбу Гурова познакомить его с Борисом Нечаевым, Федор поднял трубку и, дождавшись чьего-то отклика, негромко обронил:

– Толь, Бориса ко мне направь... Да, в мой кабинет. Да, прямо сейчас.

Через пару минут за дверью послышались шаги и раздался негромкий стук.

– Разрешите? – заглянув в кабинет, поинтересовался белобрысый крепыш с отменно накачанными руками.

– Заходи, Боря, заходи... – приглашающе махнул рукой Дробнов. – С тобой хочет побеседовать Лев Иванович Гуров, сотрудник Главка МВД. Ты же дружил с Фролом Пятыриным? Что-то можешь о нем рассказать? Э, ты чего сразу насупился? А-а, понимаю... Нет, нет, Лев Иванович не по тому делу, которое «шили» Фролу. Речь тут о другом. Недавно Львом Ивано-

вичем был найден умирающий человек, который похож на нашего Фрола. Вот в чем дело... А чтобы найти виновных в том, что с ним случилось, надо располагать всей полнотой информации. Понял, да? Ну и хорошо! Тогда слово вам, Лев Иванович!

Кивнув в ответ, Гуров показал Нечаеву посмертное фото «снежного человека». Ошарашенно воззрившись на снимок, Борис выпятил нижнюю губу и после некоторого молчания сдержанно произнес:

– Абракадабра какая-то... Знаете, Лев Иванович, вот как только глянул на фото, уже хотел сказать: нет, не он. А малость присмотрелся, да еще с этими «усами»... Очень, очень похож. Тут даже, знаете, как? Тут я не столько глазами вижу – черты лица, конечно, здорово отличаются, как чувствую душой: это Фрол.

– А такое имя никогда не слышал – Иван Корнилин?

Напряженно задумавшись, Борис отрицательно качнул головой.

– Хорошо... А это вот что за девушка? Ты не в курсе?

Взглянув на фото, Нечаев грустно усмехнулся:

– Ну, если вы уже знаете историю его стычки с мажорами, то это та самая девушка, которую он спас от тех уродов. Зовут ее Марина. Роман у них был короткий – всего месяц до того, как он исчез, но очень бурный. Как-то через полгода после этого я ее встретил, она была в положении. Спросила, не слышал ли чего про Фрола. Ну что я мог ей сказать? Мы, собственно говоря, были уверены в том, что его убили по заказу папаш мажоров. У нас некоторые парни даже пытались найти этих тваренышей, чтобы вывернуть их наизнанку. Но те, как крысы, попрятались по своим норам... – Борис непроизвольно сжал кулаки, и Лев тут же догадался, что к «некоторым парням» относился и он сам. – И вот то, что появился похожий на него человек... Да еще и умерший... Для меня это полный шок!

На вопрос Гурова, не замечал ли он каких-то странностей за своим другом, Нечаев развел руками. По его словам, до появления Фрола в «Барсе» он занимался уже около года и достиг кое-каких успехов. А тут появился Пятырин и с ходу начал выдавать такие результаты, к которым иные идут по несколько лет. Ну, понятное дело – человек несколько лет служил в морской пехоте. Они подружились и, будучи в одной весовой категории, частенько участвовали в спаррингах. При этом, как заметил Борис, Фрол старался действовать минимально жестко, что иногда даже задевало его самолюбие.

– Фрол, ты чего со мной миндальничаешь? – не раз выказывал он претензии. – Тут бить надо, а не разводить балет «Лебединое озеро»!

На это Пятырин лишь смеялся в ответ:

– А я, как тот боксер, что у Высоцкого: бить человека по лицу с детства не могу!..

– А на соревнованиях что будешь делать? – не унимался Нечаев.

– Реальный соперник выходит за рамки понятия «человек». Это – живой объект, который нужно победить, невзирая ни на что...

И он побеждал. Но при этом все равно оставался простецким парнем без намеков на «звездность». Впрочем, последний год в характере Пятырина произошли какие-то непонятные изменения. Нет, он не стал кичливым, заносчивым, чванливым. Напротив, в нем появилась какая-то странная склонность к фатализму и даже (во всяком случае, так казалось Борису) к мистицизму. Он стал более скрытным, каким-то излишне задумчивым. На все расспросы Нечаева лишь загадочно улыбался.

– У меня появилось подозрение, что он попал под влияние какой-то тоталитарной секты. Ну, как тот же Талгат Нигматулин... Помните, был такой классный киноактер? Непонятно с чего связался с криминальными проходимцами, и они его убили. Стал я расспрашивать Фрола, что и как, он вообще замкнулся. Только когда встретил Марину, вдруг снова стал таким же, каким был раньше. А потом – все, он исчез. Я несколько раз был у него на квартире, говорил с хозяйкой. Та тоже без понятия. Она живет за городом, и когда в очередной раз приехала

посмотреть, как обстановка, соседи ей сказали, что Фрол не появлялся уже неделю. Все его вещи и документы на месте – ничего не пропало. А его самого нет как нет.

– А мы могли бы поехать к той женщине и попросить отдать нам его вещи? – поинтересовался Лев, мысленно предположив, что, может быть, хотя бы в вещах и документах удастся найти что-то, способное пролить свет на исчезновение Пятырина.

– Вы знаете, с вещами Фрола приключилась непонятная история. Его вещи и документы хозяйка сложила в отдельный шкаф и заперла его на ключ. Тут к ней на квартиру попросился какой-то приезжий, назвался студентом. И вот через пару дней я снова заехал к хозяйке и сказал, что хочу документы и вещи Фрола отвезти Марине. Она согласилась. Приехали мы, а в квартире ни того постояльца, ни вещей Фрола. Шкаф взломан, в нем пусто. Вот такая непонятная история.

– Так в те же дни у нас и пожар случился! – воскликнул Дробнов. – Сгорела именно вся документация.

Гуров тут же вспомнил, что подобное случилось и в стенах московского клуба, где занимался Иван Корнилин. Это полностью подтверждало, что пожары – вовсе не случайность, а Пятырин и Корнилин – один и тот же человек.

– Борис, ты говорил, что Марина ждала ребенка. Она родила?

– Да, родила... У нее сын. Весь, как есть, Фрол: чуть лопухий, а глазенки синие-синие! Развитой такой, бойкий мальчонка. Просто загляденье!

– Она замуж так и не вышла?

– Нет, все надеется, а вдруг Фрол появится? Если честно, то я сам ей в прошлом году предложил выйти за меня. Ну, мальчишке нужен же отец! Когда я прихожу к ним, он у меня на шею виснет, не отпускает. Но у нее одно: буду ждать Фрола! Вы хотите с ней встретиться?

– Да, хотелось бы. И желательно – сегодня. Нужно любыми путями ускорить расследование, а времени у нас в обрез. Как считаешь, прийти в такой поздний час – не будет смотреться моветоном? А то я уже сегодня мог бы отбыть в Москву.

– Да нет, спать она ложится поздно. Она работает старшей лаборанткой в каком-то НИИ. Работы у нее много, так что она, бывает, и дома сидит над бумагами чуть не до полуночи.

– А ты меня не проводил бы? Она далеко живет?

– Ну-у... На машине – с полчаса езды. Если Федор Андреевич отпустит, то могу отвезти на своей «Калине» – на «Мерседес» еще не заработал... – рассмеялся Борис.

– Вези! – разрешил Дробнов. – Дело очень серьезное, касается всего нашего клуба, так что возражений не имею!

Выйдя на улицу, где уже опустилась настоящая ночная темень, в свете фонарей они подошли к новенькой синей «Калине», припорошенной кружащимися в воздухе снежинками.

– Только недавно купил... – отключив сигнализацию, пояснил Нечаев. – Еще обкатка не закончилась.

Сев в кабину, Гуров одобрительно отметил:

– Нормальная техника. Слушай, Борь, а может, есть смысл предварительно с Мариной созвониться? Ну, чтобы не нагреть как снег на голову?

Тот, немного подумав, согласился:

– В принципе стоит! А то и в самом деле получилось бы не очень удобно.

Он набрал номер и, объяснив ситуацию, удовлетворенно сообщил:

– Все в порядке! Марина нас ждет.

Они подъехали к типовой девятиэтажке, и Борис, набрав на клавиатуре домофона номер квартиры, распахнул дверь подъезда и изобразил приглашающий жест рукой:

– Прошу!

Поднявшись на второй этаж, они вошли в скромно обставленную «однушку». Встретившая их в прихожей Марина с надеждой посмотрела на Льва:

– Вы с ним разговаривали? Я имею в виду, с Фролом?

– Простите, Марина, но мы только пытаемся хоть как-то идентифицировать найденного мной гражданина. Да, он успел сказать несколько слов. Но... К сожалению, передать их вам не могу – пока что это очень важная оперативная информация. Когда расследование закончим – расскажу все в деталях. Ну, а пока могу сказать немного. На несколько секунд придя в себя, он предупредил о готовящемся преступлении и снова потерял сознание, а в машине «Скорой» умер.

Они прошли в комнату, где к Борису опрометью с радостным криком метнулся мальчонка лет трех. Предложив им присесть, молодая женщина, прижимая руки к груди, спросила:

– Ну а хотя бы когда это случилось, сказать можете? – В голосе ее зазвучали слезы.

– Позавчера, часа в два пополудни...

Гуров сжато рассказал, при каких обстоятельствах он увидел «снежного человека» и что ему сегодня сообщил опер Дунаев про схватку с волками. Закрыв лицо ладонями, Марина прошептала:

– Это он...

– Ну, не стоит спешить с выводами... – Лев попытался найти смягчающие моменты в своем драматичном повествовании. – В этом еще только предстоит убедиться.

– Это – он. Позавчера мне на работе было так плохо, так кололо сердце! Я чувствовала какую-то беду. Все боялась, что что-то может приключиться с Димой. Даже с работы звонила в детсад, предупредила, чтобы с него глаз не спускали. А оно – вот что... Где он сейчас?

Гуров, испытывая неловкость из-за того, что ему приходится говорить очень тяжелые вещи, сдержанно обронил:

– В морге отдела судебно-медицинской экспертизы.

– Мне его позволят похоронить? – взяв себя в руки, поинтересовалась Марина.

– Да, разумеется... Правда, вы с ним не расписаны? Но думаю, вопрос с выдачей тела решить можно. В случае чего я походатайствую перед своим руководством, если только не предъявят свои права родственники с его стороны.

Молодая женщина чуть заметно качнула головой из стороны в сторону.

– Родителей у Фрола нет – он сирота. В Нижнем живут его дядя и двоюродный брат, но, по-моему, родственных чувств к нему они не испытывают.

На вопрос Льва: называл ли Фрол при ней какие-то имена, звонил ли ему кто-нибудь не из круга известных ей людей, она долго молчала, а потом неуверенно произнесла:

– Ну, как сказать? За неделю до того, как исчезнуть, он разговаривал по телефону с каким-то человеком. Как я могла понять, Фрол просил его с чем-то не спешить, что у него еще есть какие-то крайне важные, незавершенные дела. Этого человека он назвал всего один раз. То ли Артемьевичем, то ли Арсентьевичем... Но после этого разговора он выглядел расстроенным, даже несколько подавленным.

Задав еще несколько вопросов, в частности, о том, при каких именно обстоятельствах исчез Фрол, Гуров попросил Марину не отказать ему в одном, очень важном вопросе. Поскольку Дима – сын Пятырина, взятая у него проба на генетику могла бы стать своего рода индикатором, который бы позволил определить окончательно и бесповоротно, является ли неизвестный Фролом, или это вовсе не он. Выслушав его, Марина вдруг засомневалась:

– Лев Иванович, я боюсь результатов экспертизы. Понимаете, уже заведомо зная, что погиб именно он, в глубине души я все равно питаю надежду, что это не так, что может свершиться чудо, и Фрол вернется. А экспертиза эту надежду убьет навсегда...

– Я вас понимаю, но и вы поймите: у вас растет сын. Где-то в Нижнем, насколько я знаю, у Фрола осталась жилплощадь, которая вам с сыном могла бы пригодиться. Генетическая экспертиза автоматически делает его наследником. Ну не век же вам с ним мыкаться по съемным «однушкам»?

Понурившись, молодая женщина некоторое время размышляла, после чего кивнула и спросила, что именно требуется. Лев пояснил, что нужны сущие пустяки: состричь с пальчика ноготок и намотанным на какую-нибудь спицу ватным тампончиком протереть между щекой и десной ребенка.

– Хорошо... – На лице Марины промелькнула грустная улыбка. – Надо, значит, надо.

Спрятав в карман полиэтиленовый пакетик с тампончиком и ногтем, Гуров собрался уходить, и тут у него мелькнула одна весьма неожиданная мысль. Повернувшись к Марине, он поинтересовался:

– Скажите, а перед тем как исчезнуть, Фрол вам ничего не дарил – какую-нибудь безделушку, игрушку, например?

– Да, вон того мишку... – указала она на довольно крупного пушистого игрушечного медведя, восседавшего на телевизоре. – Я даже Диме не даю с ним играть – пусть будет как память...

– А мне можно посмотреть его поближе? – попросил Лев, явно что-то замыслив.

Взяв медведя, он зачем-то его помял пальцами, раздвинув синтетический мех осмотрел швы и, вполголоса отметив:

– Ну, так я и думал! – попросил нож или лезвие бритвы.

– Вы хотите его разрезать? – встревожилась Марина. – Но зачем?!

– Не волнуйтесь! Я вскрою всего лишь один шов, который и так кем-то уже вскрывался.

Аккуратно разрезав нитки кухонным ножом, Лев запустил пальцы внутрь игрушки и из толщи ватина извлек... толстую пачку пятитысячных купюр!

– Вот такой тут был сюрприз! – отдавая деньги Марине, улыбнулся он. – О! Тут и записка. Вы позволите? Хотя нет, прочтите вы.

Взяв записку, молодая женщина прерывающимся голосом прочла вслух:

– «Мариночка, прости, но у меня безвыходное положение. Я обязательно вернусь. Люблю только тебя одну. Твой Фрол...» – Она тут же схватилась за сердце: – Боже... Кто бы мог подумать? Лев Иванович, как вы об этом догадались?

– Ну, на то я и сыщик... – развел руками Гуров. – Просто мне подумалось, что раз уж Фрол был таким заботливым, то он едва ли оставил бы вас без своей поддержки, тем более, предполагая, что у вас может родиться его ребенок. А как бы он мог передать вам свою помощь? Вот каким-то таким, не вполне обычным способом. Видимо, другой возможности у него не было. Деньги спрячьте и никому-никому об этом ни слова. Ну что, мы, наверное, отбываем. Боря, сейчас опять едем к Федору Андреевичу.

С трудом оторвав от Бориса расхныкавшегося Диму, Марина неожиданно всполошилась:

– Господи! Да что же это я?! Даже чаю не предложила! Лев Иванович, Боря, может, задержитесь? Ну, так неудобно...

– Пустяки! Есть особые обстоятельства. И у вас, и у меня. Вы не поверите, но я надеюсь ближе к утру быть у себя дома, – тихо рассмеялся в ответ Лев.

Дробнов, заранее предупрежденный Борисом, ждал их возвращения в своем кабинете. Снова сев напротив, Гуров поинтересовался, не знает ли тот человека с отчеством – то ли Артемьевич, то ли Арсентьевич. Тот озадаченно наморщил лоб и, некоторое время подумав, припомнил, что – да, лет шесть назад был такой человек, некто Чупчугин Валентин Арсентьевич. Это был частнопрактикующий психотерапевт, который сам предложил ряду спортивных клубов и обществ разработанную им методику психотренингов, позволяющих спортсменам добиться высочайших результатов. И в самом деле прошедшие у него курс «релаксации и активации» спортсмены смешанных единоборств на спаррингах начали показывать весьма завидные результаты. Да и на соревнованиях тоже. Но тут вдруг обнаружилось такое неприятное обстоятельство, как следы допинга у всех, кого «активировал» Чупчугин. Разразился

скандал. «Психотерапевт-новатор» тут же «залег на дно», и его следы затерялись на просторах Санкт-Петербурга.

Слушая директора клуба, Борис неожиданно хлопнул себя по лбу:

– Ешкин кот! Точно – Чупчугин его фамилия! Как же это я забыл?!

Как далее рассказал Федор, по признанию «погоревших» спортсменов, Чупчугин в реальности кое-какими методиками все же владел. Так, например, по меньшей мере половину своих подопечных он ухитрился погрузить в гипнотический сон. Но только половину! Все прочих он пичкал некими «чудодейственными витаминными комплексами», которые на деле оказались допингом иностранного производства. Впрочем, пичкал он допингом и тех, кто оказался гипнабельным. Судя по всему, никакой реальной психотерапевтической методики у этого шарлатана с врачебным дипломом не было, кроме наукообразной болтовни и пилюль с запрещенными стимуляторами.

– Я так понимаю, Пятурин оказался гипнабельным? – слушая повествование Федора, риторически спросил Гуров.

Тот лишь молча кивнул в ответ.

– Понятно... Теперь очень многое становится на свои места. Мне нужна вся информация по этому Чупчугину. У кого ее можно было бы получить?

Дробнов в ответ лишь сокрушенно вздохнул. По его словам, по той простой причине, что «психотерапевт-новатор» нигде официально оформлен не был, а работал по временным договорам, специальных досье на него не оформлялось, а то, что и имелось, сгорело во время пожара. Федор знал лишь то, что у Чупчугина был свой кабинет где-то на улице Клинской, а жил он на Петроградском острове. И – все... Вот такой человек-загадка.

– Хорошо, но вы хотя бы лично с ним общались? Что вы можете о нем сказать как о человеке? – В голосе Льва звучала нескрываемая досада. – Какие у него характерные приметы?

– Гм... Ну да, я лично с ним общался много раз. Первым впечатлением было – талантище, ас в своей профессии. Ну а потом, когда первые восторги сошли на нет, сразу стало ясно, что это – пустой человечиска, без намека на хоть что-то доброе в душонке, позер и фразер, лживый и необязательный. Его бог – нажива любой ценой, за деньги он и мать родную продаст.

– Кстати, что вы знаете о его семье?

Поскольку Федор, запнувшись, обдумывал ответ, за него ответил Нечаев:

– Семьи у него не было вообще. Ни жены, ни детей. Женщин он презирал и ненавидел. Он считал всех, кто женат, умственно неполноценными. Его идеалом был какой-то античный философ, которому мысли о женщинах мешали додумать какую-то философскую концепцию. И тогда этот мыслитель хренов приказал своим ученикам оскопить себя и уже после этого свои идеи доработал.

– Ничего себе! Я об этом ни разу не слышал... – подивился Дробнов. – А ты откуда это все знаешь?

– Парни рассказывали... – безмятежно ответил Борис. – Кто-то даже говорил, что Чупчугин когда-то мотал срок. Только вот за что именно – он не в курсе.

– Так, так, так! А нет ли у кого-нибудь из ваших парней фотографии этого Чупчугина? – прищурился Гуров, все больше и больше ощущая под ногами твердую почву. – Может, он где-то на коллективном снимке оказался или на чьем-нибудь селфи? Да мало ли, как он мог попасть в объектив?

– Я поспрашиваю, – пообещал Нечаев, – но надежды особой нет: Чупчугин никогда и ни с кем не фотографировался. Парни даже прикалывались: не иначе, он вампир – боится, что на снимке не получится, и этим себя разоблачит.

– Тогда вот что... – слегка хлопнул ладонью по столу Лев. – А давайте-ка я попрошу своих питерских коллег с вашей помощью сделать фоторобот? По-моему, это самый рациональный вариант в данных условиях. Его «фейс», надеюсь, не забыли?

Громко фыркнув, Борис махнул рукой:

– Забудешь его! Особенно родинку на правой щеке – большая такая, толстая, да еще и волосатая.

– Скорее всего, фальшивая, – усмехнулся Гуров.

– Как это?! Почему? – разом заговорили его собеседники.

– Старый трюк воров и мошенников. Вы его запомнили с этой страшенькой «родинкой»? А он ее снял, переделал и уже во многом стал неузнаваем. Попробуй-ка его изобличить, если есть только словесный портрет! Вы же запомнили нечто самое броское? Вот-вот... Некоторые мошенники для отвода глаз приклеивают фальшивые шрамы, специальными накладками увеличивают верхнюю десну – действуют кто во что горазд.

– Вот заразы! – покрутил головой Дробнов. – На что только не идут, лишь бы людей обдурить. Ну ничего, я не только его «родинку» запомнил. Его морду я как будто сфотографировал! Сделаем, сделаем фоторобот.

Когда разговор был закончен, Борис вызвался отвезти Гурова в Пулково. Созвонившись с кассой аэропорта, Лев заказал себе билет на двадцать три пятьдесят. Поздним вечером по незагруженной транспортом дороге путь до Пулково оказался гораздо короче. Сев в кресло авиалайнера, он сразу же уснул и проснулся в начале второго ночи уже в Шереметьево. Его разбудила молоденькая стюардесса в тот самый момент, когда Лев со своим другом Станиславом Крячко уже почти догнал подозреваемого, который скрывал лицо под маской препротивного упыря. Гуров открыл глаза и поднялся, мысленно сожалея о том, что дома досмотреть финал этой захватывающей погони уже не получится.

Глава 5

Он даже не подозревал, что у Стаса в этот момент и в самом деле шла настоящая погоня, и не во сне, а наяву. В Нижний Новгород Крячко прилетел на час позже, чем Лев в Питер. Выйдя из самолета на трап, он оказался в ночной темноте, рассеянной освещением аэропорта. Взяв такси, Стас первым делом отправился на Пароходную, семнадцать. Когда они остановились у старой пятиэтажки в ряду таких же «хрущевок», таксист, росленький парень лет двадцати трех, коротко объявил:

– Семнадцатый!

Крячко достал из кармана деньги и, так сказать, «прикола ради», поинтересовался:

– Точно семнадцатый? А то вдруг какой-нибудь сто семнадцатый? Я-то не местный, географии вашей не знаю...

Взяв купюру и отсчитав сдачу, таксист флегматично уведомил:

– Я сам в этом доме живу... Было бы смешно, если бы вдруг ошибся. Эх, а что, если?.. Раз уж я сюда приехал, то, наверное, есть смысл пойти перекусить...

– Это очень хорошо, что здесь живешь! – обрадовался Станислав. – Это очень даже здорово! Надо думать, всех в этом доме знаешь?

– Ну, всех не всех, но многих – точно. – Парень с интересом взглянул на этого непонятного, широченного дядьку в потертой кожаной куртке.

– А такого Пятырина Фрола знать не доводилось?

– А-а, Фрола? Ну, Фрола кто тут у нас не знает?! Это знаменитость всего нашего околотка. Да и города тоже... Несколько лет назад он сюда приезжал с питерской командой на межклубную встречу. О-о-о! Он тут такого дрозда давал!

– А что бы ты мог рассказать о нем как о человеке? Видишь ли, я из уголовного розыска, из Москвы. Меня он интересует как, предположительно, потерпевший от рук бандитов.

– Да много чего могу рассказать... – многозначительно мотнул головой таксист. – Только, видите ли, какое дело... На перекус-то у меня всего полчаса. Ну максимум – минут сорок. Знаете, что? А пойдёмте-ка к нам? За компанию чаю выпьете, как раз и поговорим.

– А это удобно? – засомневался Крячко. – Твои домашние не скажут, чего это ты с собой какого-то подозрительного типа привел?

– Идёмте, идёмте! Все будет нормально... – рассмеялся парень.

За то время, пока они поднимались по лестнице на четвертый этаж, Станислав более детально рассказал о причинах своего приезда в Нижний Новгород. Показал и фото «снежного человека». Повертев его в руках, таксист, назвавшийся Геннадием, с сомнением пожал плечами:

– Отдаленное сходство есть... Но, по-моему, это не он! Да, скорее всего, не он.

Подойдя к фасонистой фирменной двери, он нажал на кнопку звонка. Щелкнул замок, и выглянувшая из-за двери молодая женщина средних лет привлекательной наружности удивленно и не очень дружелюбно воззрилась на Стаса, из-за чего тому захотелось повернуться и уйти.

– Ма, это со мной! – поспешно проговорил Геннадий. – Станислав Васильевич прилетел из Москвы, он из уголовного розыска, насчет Фрола Пятырина. С Фролом что-то случилось, и он это расследует.

– А-а, все понятно! – Лицо женщины сразу же осветилось приветливой улыбкой. – Проходите, проходите! Будьте гостем. А я сначала подумала, что у нас по подъезду опять начали хулиганить коллекторы.

– У вас хозяйничают коллекторы?! И что, здорово всех тут достали? – снимая в прихожей кожанку, поинтересовался Крячко.

– Да весь дом от них уже стонет! – Хозяйка квартиры безнадежно махнула рукой. – Кто-то им тут должен был большие деньги, но куда-то уехал, а они теперь идут к нам и внаглую требуют, чтобы мы сложились и погасили его долг. Особенно тот подъезд, где он жил, – с тех вообще не слазят. Ну, и нам перепадает. Вот как это назвать?

– Это? – пожал плечами Стас. – Вымогательство. Статья сто шестьдесят третья, по ней предусмотрено наказание сроком до семи лет плюс штраф на полмиллиона. Всем домом нужно написать заявление, и они сядут.

– Всем домом не получится... – огорченно вздохнула женщина. – Большинство их боится, а некоторые даже собираются складываться по пятнадцать тысяч – они столько насчитали. В полицию мы как-то раз обращались, да что толку. Приехали двое, походили, посмотрели и снова уехали. А эти отморозки об этом от кого-то узнали и теперь требуют еще больше. Как бы «за моральный ущерб»...

– Все понятно... Беру это на заметку – разберемся с этой шивотой, – уверенно пообещал Стас.

– Прошу к столу! – донесся из кухни голос Геннадия.

Пройдя туда, Крячко увидел стол, уставленный тарелками, и укоризненно попенял:

– Гена! Мы же говорили только про чай!

– Все верно! – рассмеялся тот. – Чай! Ну и так, по мелочам кое-что на зуб поймать – винегретик там, пара котлеток... Не растолстеем!

Станислав опустил на стул и вооружился вилок. За едой разговор про Фрола Пятрина был продолжен.

Впервые Геннадий столкнулся с Фролом, еще будучи дошколенком, тогда как тот уже учился в начальной школе. В их двор из соседнего как-то в воскресенье прибежали трое «крутяков» лет семи-восьми, которые начали «строить» тутошнюю мелюзгу. Кому подзатыльник отвесят, у кого игрушку отберут... И тут появился паренек лет десяти, который надавал им по загривку, и недавние обидчики, захныкав, побежали жаловаться своим мамочкам.

– Фрол, он с детства был такой справедливый. Зато к нему самому судьба отнеслась несправедливо. Ему всего год был, когда погибли его родители. Слышали же, наверное, как в восемьдесят девятом в Башкирии сразу два поезда взорвались и сгорели? Там погибла уйма народу.

– Ну конечно, это я помню... – кивнул Станислав.

– И вот остался он с одной лишь бабушкой. В девяностые жилось им очень трудно. Он еще совсем пацан был, а уже искал, где бы заработать. На перекрестках мыл стекла машин, собирал пивные банки, подметал автостоянки... После школы окончил «ремеслуху» на автослесаря, ушел в армию, остался там на «сверхсрочку». Это все мы от тети Веры знали – она на лавочке другим бабулькам об этом рассказывала. Потом, после контракта, он ушел в спорт, стал заниматься смешанными единоборствами. Несколько раз приезжал сюда. Иной раз мы об этом и не знали – парень он был скромный, шумихи вокруг себя не любил. Когда тетя Вера заболела, он присылал ей денег на лечение. А потом вдруг бесследно исчез. Никто не знал, куда он делся. Тетя Вера после этого совсем сдала, и год назад ее не стало.

– А в их квартире кто сейчас живет?

– Какие-то люди – их я еще не знаю. Теть-Верин племянник – дядька Фрола – уже давно на эту квартиру «зубы точил»: еще она была жива, а он уже искал способ, как бы отжать жилплощадь. И как только умерла, уж не знаю, каким способом, он переписал квартиру на себя, а потом продал. Вот такая тварь! Был слух, что его сын Гришка – я его знаю – работает в каком-то мутном риелторском агентстве. Некоторые люди у нас и говорят: не он ли «помог» тете Вере уйти раньше времени? То его тут сроду не было, а то вдруг зачастил – видите ли, заскучал по бабушке...

– А где живут внук и племянник тети Веры, ты не знаешь? У меня к ним есть ряд вопросов.

Несколько замявшись, Геннадий сказал, что, хоть и приблизительно, но местоположение этой семьи он знает. Однако в таком случае ему сейчас придется на ближайшие час-полтора отпроситься у диспетчера.

– А зачем отпрашиваться? Скажи, что работаешь с тем же клиентом. То есть со мной. «На халаву» я тебя эксплуатировать не собираюсь. На разъезды мне выделена приличная сумма, так что все в рамках здоровых рыночных отношений, – рассмеялся Стас. – Ну что, тогда – на старт?

Они спустились вниз и, едва выйдя из подъезда, стали свидетелями весьма непонятной сцены. От дома отъезжал эвакуатор с установленной на грузовой платформе белой «Дэу Нексией», а какой-то мужчина бурно протестовал, пытаясь его догнать. Но двое дюжих типов его крепко держали, после чего, сев в «Рено», поспешили следом за эвакуатором.

– Твари! Уроды! Подонки! Чтоб вам пусто было!!! – кричал им вслед пожилой мужчина, размахивая руками.

– О! Так это же Данилыч, это его машину увезли... – удивленно отметил Геннадий. – А с какого бы хрена? У нас тут знаков нет, парковаться не запрещено...

– Ну-ка, пойдем разберемся! – почувствовав, что эта история пахнет вульгарным грабежом, скомандовал Крячко, направляясь к негодующему автовладельцу. – А на каком основании эти люди забрали вашу машину?

– Да это коллекторы, будь они неладны! – задыхаясь от негодования, ответил тот. – Сегодня опять ходили, выбивали деньги. Я им сразу сказал: ни копейки им не дам! И вот они приехали и объявили, что забирают машину в залог и не вернут до тех пор, пока я не соглашусь раскошелиться. Я пригрозил им полицией, а они надо мной только посмеялись. Ну, где он, закон?! Где справедливость?!!

– Все понятно. Гена, едем следом за ними. Вы с нами тоже. Документы на машину при вас?

– Да! – кивнул мужчина, хлопнув себя по нагрудному карману. – А вы сможете помочь?

– Попробую... – садясь в машину, устало обронил Крячко. – В курсе дела, куда они могли увезти?

– Да на ближайшую штрафную стоянку! – с оттенком безнадеги в голосе откликнулся Данилыч. – Гена, знаешь, это где?

– В курсе! – прибавляя ходу, откликнулся тот.

Станислав достал свой телефон, вышел на дежурного местного райотдела через стандартный номер «ноль-два». И, услышав отклик, заговорил жестко и безапелляционно:

– Это полковник Крячко, Главное федеральное управление уголовного розыска. В данный момент по улице Пароходной на такси я преследую группу неких сомнительных граждан, которые незаконным путем отобрали личный автомобиль «Дэу Нексия» у гражданина... Как вас?

– Звенягин Виктор Данилович... – поспешно подсказал тот.

– У гражданина Звенягина, проживающего по адресу Пароходная, семнадцать. Мы сейчас направляемся к местной штрафной стоянке... Где она?

– На Трудовой! – сворачивая следом за «Рено», сообщил Геннадий.

– Мы едем к штрафной стоянке на улице Трудовой. Прошу прислать туда дежурный наряд. Предполагаю задержать всех виновников этого разбоя.

– Вы из уголовного розыска? – уважительно спросил Звенягин. – Приехали наших местных бездельников пошугать?

– Ну, не совсем так... Хотя и этим попутно занимаемся, – рассмеялся Станислав. – Прежде всего меня интересует один человек, проживавший в вашем доме. Это Фрол Пятыйрин.

Нет-нет, он ничего не натворил. Просто два дня назад был найден гражданин в предсмертном состоянии, личность которого нужно определить. По некоторым данным, это мог быть Фрол Пятырин. Но вот Гена смотрел его посмертное фото и считает, что это не он.

– А мне можно глянуть? – попросил Данилыч.

– И можно, и нужно! – ответил Стас, доставая фотографию «снежного человека». – Только тут темновато...

– Ничего, у меня телефон с хорошим фонариком. Ну-ка, ну-ка... Хм-м-м-м... Вроде – он, а вроде – и не он. Знаете, Станислав Васильевич, не так давно был у меня один непонятный казус. Я ведь тоже, как и Гена, таксую... В общем, случилось это прошлым летом. Я чаще всего кручусь у железнодорожного вокзала. И вот как-то утром взял там двоих мужчин – они попросили довезти их на улицу Лесничную. Едем. А я на того, что помоложе, через салонное зеркало гляжу, и кажется мне, что я его где-то видел. Присмотрелся. А это вроде бы Фрол. Говорю: «Извините, а вас не Фрол зовут?» Он как-то странно на меня глянул, помотал головой и – ни слова! Ну, я извинился, дескать, обознался, довез их до места, посадил там и уехал. Еду назад, а он из головы у меня не выходит. Ну хоть убей – душой чую, что это был Фрол Пятырин, хотя лицом был не очень похож. И вот теперь – это фото. Конечно, утверждать не берусь, что на этом снимке – Фрол, но это именно тот, кого я вез в прошлом году! Голову даю на отсечение!

– А какого именно числа это было, не припомните? – поинтересовался Крячко.

Данилыч долго думал, потом неуверенно произнес:

– Если честно, Станислав Васильевич, не припомню. Примерно – скажу: где-то между пятнадцатым и восемнадцатым июня. Как-то так.

– А в каком месте они вышли?

– Ммм... Там такая «свечка» этажей на двадцать, в ней какой-то офисный центр. Вот там они и вышли.

– Лицо второго вы не запомнили?

Грустно усмехнувшись, Звенягин покачал головой.

– Ну, если только очень и очень приблизительно. Сами понимаете – каждый день перед глазами проходят десятки, а то и сотни лиц. Второго краем глаза я тоже зацепил, и только потому, что его напарник был похож на Фрола. Ну, лет ему за пятьдесят. Собою он такой малоприметный, серый, проще сказать – вообще никакой. Вы хотите, чтобы я помог составить фоторобот? Ешки-матрешки!.. Видел-то я его больше чем полгода назад. Ну да ладно! Я постараюсь выжать из памяти все, что только можно. О! Приехали!

Шедший в полусотне метров впереди них эвакуатор остановился у решетчатых ворот, за которыми в свете фонарей виднелись ряды арестованных авто. С другой стороны к воротам подошел мужчина в форме охранника и открыл навесной замок. Стремительно подлетев к воротам, Генин «Фольксваген» замер перед самым носом эвакуатора, загородив ему дорогу. Не дожидаясь открытия ворот, Крячко вышел из салона и, встав прямо перед эвакуатором, в свете фар махнул рукой его водителю.

– Чего надо?! – хамовато заорал тот, высунувшись из кабины.

– Сюда подойди. Живо! – непререкаемым тоном приказал Станислав.

Сразу же оробев, шофер спрыгнул с подножки и, подойдя к Крячко, уже без намека на хамство, чуть заикаясь, поинтересовался:

– В-вам чего? В-в чем дело-то?

– Мне нужно знать, кто конкретно организовал незаконный арест этого транспортного средства! Это ясно? Жду ответа?

– А-а... Вы... Кто?..

– Федеральное управление угрозыска! – жестко отчеканил Станислав.

– А-а-а... Это не я... – окончательно струсив, проблеял эвакуаторщик.

В этот момент его перебил сытый, вызывающий рык, издаваемый мордастым типом, который выскочил из темноты как чертик из табакерки:

– Ты кто такой и чего тебе надо?!

Одновременно «буйный» одной рукой попытался схватить Стаса за грудки, а другой замахнулся крепко сжатым кулаком. Но еще через мгновение его голос обратился в писклявый визг. Четким движением перехватив его руку своими железными пальцами, Крячко проворно схватил его за ушную раковину и с силой стиснул эту чрезвычайно важную деталь органа слуха. «Буйный» и помыслить не мог, что его ухо окажется средоточием вселенской боли и муки. Боли нестерпимой и кошмарной, от которой темнело в глазах и перехватывало дыхание.

– О-о-о-й!!! А-а-а-й!!! У-у-у-у!!! – извиваясь и дергаясь, завопил он на разные лады.

Примчавшегося ему на выручку долговязого, мосластого типа мгновенно заблокировал вовремя появившийся из-за эвакуатора Геннадий. Сноровисто перехватив занесенную руку с бейсбольной битой, таксист лихо выполнил самбистскую подсечку. Испуганно охнув, мосластый подскочил в воздух и плюхнулся копчиком об асфальт, жалобно заойкав от боли. Довершил эту стычку Данилыч, который заступил дорогу охраннику штрафстоянки. Тот, как видно, засобирился на выручку мордастому и мосластому. Уперев руки в бока, Звенягин произнес лаконичное и свирепое:

– Ну-у-у?!!

– Все, все! Уже ушел! – отпрянув назад, поспешил заверить охранник.

В этот момент, поблескивая мигалкой, из-за угла выскочил полицейский «бобик». Прибывшие пэпээсники, взглянув на удостоверение Крячко и моментально проникнувшись к нему уважением, потребовали документы задержанных. И тут вдруг обнаружилось, что «корочка» мордастого, якобы удостоверявшая, что ее владелец – штатный «взыскатель задолженностей» коллекторского агентства «Параграф», – полнейшая «липа». Как выяснилось из лицадопроса, он там давно уже не работает. Но навыки, полученные в этой малопочтенной конторе, емугодились. Найдя себе напарника (тоже из бывших вышибал), он занялся самостоятельным «коллекторингом». Впрочем, работали эти двое не сами по себе – у них имелась «крыша» из двух участковых и одного сотрудника более высокого ранга в районном ОВД.

Эвакуаторщик, «расчухав», что вместе с «коллекторами» влип в историю весьма и весьма нехорошую, заладил как попугай одну и ту же фразу:

– А я тут – ни при чем! А я тут – ни при чем!..

Покончив с бумажными формальностями, Крячко с Геннадием отбыли к микрорайону «Семафоровка», где, по информации таксиста, и проживали дядька и двоюродный брат Фрола Пятырина. С полчаса попетляв по полупустым городским улицам, они выехали за пределы многоэтажных массивов и заехали в одноэтажный сектор, представленный небедными коттеджами, иные из которых высились на два, а то и три этажа. Неспешно руля по безлюдной улице, не слишком густо освещенной фонарями, Геннадий без конца вертел головой, всматриваясь в дома по обе стороны этой «авеню».

– Где-то, где-то, где-то тут... Где-то, где-то, где-то тут... – бормотал он, напряженно припоминая очертания уже давненько виденного им дома.

– А как ты узнал, что они именно здесь живут? – полюбопытствовал Станислав.

– Да в позапрошлом году летом Гришка прикатил навестить тетю Веру на своем «Форде», а местные пацанята ему все четыре колеса ножом прохреначили, – смеясь, рассказал Геннадий. – Я как раз был на обеде. Выхожу, а он у соседнего подъезда матерится как сапожник. Машина стоит на ободах. Ну, он меня и нанял съездить в Семафоровку за зимним комплектом колес. Когда вернулись, весь капот и стекла «Форда» собачьими какашками были изгвазданы. Его чуть кондрашка нехватила. Больше в наш двор на своей тачке не заезжал, оставлял где-нибудь квартала за два.

Удивленно покрутив головой, Крячко поинтересовался:

– Эти пацанята его так не любят? А за что?

– Да было одно нехорошее дело... Он же – понтовый сверх всякой меры, весь из себя, борзой. Когда приезжал к нам во двор, то ставил свою машину прямо у подъезда, да еще так, что другим людям – ни проехать ни пройти. И вот как-то раз один мальчонка лет пяти, проходя мимо его тарантаса, случайно задел бок машины игрушечной лопаткой. Гришка увидел, разголосоился, отшлепал его и наорал так, что пацана, кстати, его тоже Гришей зовут, аж трясло от испуга. Тут мать того мальчика вышла выяснять, в чем дело. Этот обормот на нее накинудся, хотел даже ударить. Да не на ту нарвался! Женька из сумочки электрошокер хватить – и на него! Он тут же деру дал.

– Ну и скотина! – подивился Крячко.

– А то! Куркуль из куркулей. Накатал заяву в полицию, да еще и иск подал в суд о взыскании ущерба, нанесенного машине. Только ничего у него не вышло. А когда эта история попала в городские газеты, он сам чуть не залетел под суд за побои ребенка. Но дружки из тамошней районной чинушни отмазали. Вот после этого наша пацанва ему и объявила вендетту. Гришуткин старший брат Костя у нашей мелюзги в авторитете. По всякой части – первый во дворе заводила. Думаю, колеса – это его работа. Кстати, везти в Семафоровку Гришку в тот день я не собирался – на кой бы он мне был бы нужен, этот козел? Но он начал плакаться, вроде того, мать у него в больнице, надо срочно к ней ехать. Ну, подумал я и согласился, хоть он и сволочь, но мать есть мать...

Когда «Фольксваген» миновал один из двухэтажных особняков за высоким зеленым забором, перед которым тянулся ряд высоченных пирамидальных тополей, таксист неожиданно ткнул в его сторону пальцем:

– О! По-моему, это их дом. Вон и тачка в тени вроде бы Гришкина. Станислав Васильевич, подождите секунду, я добегу, узнаю...

Выйдя из машины, он направился было к особняку, но в этот момент калитка распахнулась, и на улицу, похрустывая снегом, вышли двое мужчин, которых в тени заснеженных крон деревьев разглядеть было очень затруднительно. Остановившись, Геннадий громко спросил:

– Скажите, это дом Каракуцевых?

– А в чем дело? – подходя к машине, спросил один из мужчин.

– Да вас хотел бы видеть сотрудник уголовного розыска из Москвы...

Реакция мужчин на эти слова оказалась неожиданной. Они вдруг опрометью ринулись в кабину своего авто и, спешно запустив мотор, с пробуксовкой ринулись в ночь.

– Гена! За ними! – через окно выкрикнул Крячко, но тот и сам, одним прыжком достигнув машины, уже спешно запускал двигатель, затем стремительно развернулся в обратную сторону и что есть духу припустил вслед за беглецами.

Не выпуская из поля зрения задние габаритные огни преследуемых, Геннадий «давил на всю железку», выжимая из мотора все, на что тот был способен. Пролетев километра три по нежилым территориям, беглецы круто свернули влево. Достигнув перекрестка, Геннадий свернул следом, почти не сбавляя скорости. Эта дорога оказалась довольно извилистой и изобилующей ледяными буграми. Как видно, сидевший за рулем «машины-беглянки» по своим водительским кондициям Геннадию уступал, и очень существенно, из-за чего расстояние между автомобилями начало постепенно сокращаться. И тогда машина преследуемых резко пошла в отрыв. Но длилось это недолго. Внезапно ее стремительно закрутило вокруг оси, а затем резко бросило вправо. «Споткнувшись» колесами о снежный бугор, тянувшийся вдоль края дороги, она, подлетев в воздух, с грохотом покатила куда-то вниз.

Наблюдая за этим вынужденным кульбитом, Геннадий и Крячко одновременно выдохнули:

– Ух ты-ы-ы!..

Через несколько секунд поравнявшись с местом падения машины, они остановились, выскочили из салона и, утопая в сугробах, поспешили к авто, оставшемуся лежать кверху колесами. Даже на расстоянии под капотом слышалось какое-то жужжание и потрескивание. Судя по всему, закоротило аккумулятор, и если сейчас на место искрения попадет горячее – все, вспышки не миновать.

Неимоверным усилием вырвав смятую пассажирскую дверцу, Стас и его добровольный помощник кое-как смогли вытащить из-под перекоренной крыши авто зажатых в салоне двоих мужчин, примерно тридцати и пятидесяти с лишним лет. Форсируя сугробы, они оттащили беглецов подальше от смятого в лепешку «Форда». Те охали и стонали, явно не в силах подняться на ноги – похоже, в момент падения им досталось очень даже крепко.

Крячко понимал, что эти двое неспроста кинулись наутек, лишь услышав про уголовный розыск. Судя по репутации и папы, и сына Каракуцевых, скорее всего, набедокурили они – и к гадалке не ходи. Но что именно они сотворили, как бы это выяснить? Проще всего было взять их «на пушку», с ходу потребовав признаний в содеянном. Вот только Геннадий не подвел бы... От простоты душевной возьмет и ляпнет что-нибудь невпопад. А эти два пройдохи сразу «просекут», что их разводят на мякину. И тогда – все! Уйдут в «несознанку», и хрен чего докажешь...

Уловив момент, Крячко сделал многозначительное лицо и выразительно подмигнул таксисту, мол, внимание, смотри, не «проколись»! Но у того «соображалка» работала отменно. Геннадий сразу же догадался, что опер имеет в виду, и движением опущенных век ответил, что все будет в полном порядке. Они подняли беглецов на ноги и повели к машине. В этот момент сзади них раздалось громкое фырканье, и ночной мрак озарило вырвавшееся из моторного отсека авто буйное оранжевое пламя.

Каракуцев-младший, оглянувшись назад, горестно охнул и запричитал:

– Машина! Моя машина! Е-мое! Все, пропала... Это вы виноваты! Вы!..

– Мы? – язвительно рассмеялся Станислав. – Не надо заниматься темными делишками, чтобы потом не пришлось удирать от уголовного розыска. А от нас – не убежишь! Официально уведомляю: чистосердечное признание смягчает меру наказания. Уговаривать не буду. Хотите отмотать себе срок на всю катушку – да на здоровье! Есть желание сократить и смягчить со строгого на общий – тоже реально. Так что выбираем?

– Явку с повинной и чистосердечное... – угрюмо откликнулся Каракуцев-старший. – Только, гражданин начальник, прошу учесть: она сама во всем виновата!

– Разберемся! – откликнулся Крячко.

В этот момент пламя охватило весь «Форд», и менее чем через минуту с громким грохотом он обратился в лохматый огненный шар. В разные стороны полетели мелкие жестянки и пластмассовые детали. Жаркая взрывная волна, пахнувшая горелой резиной, достигла «Фольксвагена», стоящего почти в полусотне метров от пожарища.

Усадив задержанных на заднее сиденье, Станислав сел впереди и, обернувшись к ним, внушительно указал пальцем на свою левую подмышку:

– Сидеть смирненько! Без глупостей, хлопцы, без глупостей!

Геннадий аккуратно развернулся и уже без всякого лихачества направился к Семафоровке. В течение всего пути в салоне царил полное молчание. Подъехав к коттеджу, все так же молча, все четверо направились к калитке. Сильно прихрамывая на ходу, Григорий Каракуцев, покосившись в сторону Геннадия, угрюмо проворчал:

– Ты тоже, гляжу, приложил руку, чтобы нас загребли?

– Я оказал посильное содействие угрозыску в раскрытии особо опасного преступления, – с достоинством парировал таксист.

– Ну-ну... – сдавленно обронил тот.

Пройдя через двор, оформленный в японском стиле, они вошли в небедно обставленный дом. В просторном холле первого этажа отец и сын сели за стол в центре помещения и, вооружившись авторучками, торопливо что-то начали писать на листах принтерной бумаги. В этот момент на лестнице, ведущей на второй этаж, послышались чьи-то шаги. Пожилая женщина в дорогом халате, спустившись до середины лестницы, некоторое время молча наблюдала за происходящим, после чего, проворчав: «Говорила вам, идиотам: допрыгаетесь!» – снова ушла наверх.

Минут через пятнадцать Каракуцев-младший размашисто поставил роспись и протянул свое «сочинение» Станиславу. Ревниво отследивший этот жест, Каракуцев-старший недобро поинтересовался:

– И чего ты там накатал? Небось всех собак на меня перевешал?

– Что надо, то и написал! – не без ехидства огрызнулся его «любящий» сын.

– Ах, во-он оно что... – зловеще процедил его не менее «любящий» отец. – Ну, тогда не обессудь... Ла-а-адно! – И снова продолжил свое сочинение.

Зло насупившись и волком глянув на своего отца, Григорий объявил:

– Гражданин начальник! Я хочу еще кое-что добавить к уже сказанному.

– Без проблем! – изобразил широкий жест рукой Крячко. – Можно изложить на другом листе.

Тот, кивнув, тут же снова что-то начал писать, исподтишка бросая на своего папашу косые взгляды, а Станислав приступил к прочтению показаний Каракуцева-младшего. Кривоватым почерком в признании было написано:

«В палицию от Каракуцева Г. А. Чистосирдечное признание.

Я, Каракуцев Григорий, показываю следующее. Седня вечером мы с моим отцом Каракуцевым Антоном ходили к житильнице Семафоровки Ляточкиной Анастасии, пинсионерке. Два года назад я как риелтор кампании «Твердая гарантия» заключил с ней договор на то, што в случае ее смерти я продаю ее квартиру, беру свой процент, а деньги кладу на счет детского дома «Солнышко», потому што у нее нет наследников. Седня днем я услышал от знакомой, што Ляточкиной хто-то че-то наплел, и она хочет наш договор расторгнуть...»

Как далее явствовало из показаний Григория, тот решил навестить пенсионерку и переубедить ее, доказав свою честность и бескорыстие. В качестве морального подкрепления с ним решил пойти и его отец, который с ней был хорошо знаком. Уже стемнело, когда они пришли к пожилой женщине на восьмом десятке и стали выяснять причины ее решения расторгнуть договор с риелторами. Ляточкина им сообщила, что сегодня встретила со своей старой знакомой, которая много чего слышала о «Твердой гарантии», причем в основном нелицеприятное. Поэтому официально объявила, что договор считает недействительным, а завтра же обязательно вызовет нотариуса, как ей посоветовала знакомая, с которым и оформит завещание в пользу детдома, минуя в этом любое участие риелторов.

Фразу Григория: «Мы стали ее убизждать, што она ниправа и так дела не делаютца...» – Крячко понял по-своему: папа с сыном начали жестко напирать на пожилую женщину, чтобы не потерять свой куш. Но та стала их бранить, бить и выгонять и (если судить по показаниям Каракуцева-младшего), отбиваясь, Антон Каракуцев оттолкнул ее от себя. Упав, женщина разбила голову об угол табуретки, вследствие чего тут же умерла. Дойдя до этого места, Крячко поинтересовался, вызывали ли Каракуцевы потерпевшей «Скорую». Оба с хмурым видом отрицательно мотнули головой. Уточнив адрес Анастасии Ляточкиной, Стас позвонил в местную «Скорую» и попросил бригаду срочно туда подъехать.

Получив показания, написанные Антоном Каракуцевым, Станислав прочел почти то же самое, но только здесь уже Григорий ударил женщину кулаком, что и стало причиной падения и смерти. Помимо этого, папаша расписал еще три подобные аферы своего сыночка плюс

историю смерти его родственницы Веры Кононенко, которую Григорий напоил ликером с подмешанным в него метиловым спиртом.

Впрочем, сын о папе написал тоже еще много чего интересного. В частности, о том, как тот долгие годы занимался бутлегерством, зарабатывая на «паленке» огромные барыши. В дополнение к этим «чистухам» Крячко поинтересовался, видели ли они последние два-три года своего родственника Фрола Пятырина, на что услышал однозначно отрицательное «нет».

Примерно через полчаса (время к этой поре уже давно перевалило за полночь) они были в ближайший райотдел, где мучимый вынужденной бессонницей капитан составил протокол задержания отца и сына Каракуцевых по подозрению в непредумышленном убийстве.

– Товарищ полковник, а вы-то как узнали об этом преступлении? – поинтересовался он.

– Так они сами все и рассказали, – рассмеялся Станислав. – Я, вон, с таксистом Геной к ним приехал, чтобы узнать, когда они последний раз видели их родственника Фрола Пятырина. А они, узнав, что я из угрозыска, попытались скрыться на своем личном авто. Ну, тут уж и без намеков стало понятно, что за ними что-то есть, и достаточно серьезное. Мы начали преследование. Километрах в пятнадцати от Семафоровки Каракуцевы не справились с управлением и улетели под откос. Мы их из авто вытащили, после чего машина загорелась и взорвалась. Ну а потом они откровенно сделали чистосердечное признание, к тому же не одно.

Слушавшие его Григорий и Антон то зеленели, то багровели. Только теперь до них дошло, как же они дико лопухнулись. Не выдержав, Каракуцев-старший с ненавистью хрипло выдохнул:

– Все из-за тебя, козленка трусливого! «Это за на-а-а-ми! Это за на-а-а-ми! Надо рвать ко-о-огти!» – юродствуя, передразнил он сына.

– Сам-то обвалялся, как только услышал про угрозыск! – огрызнулся тот. – Только и долдонил: «Ой, где бы нам залечь? Ой, как бы нам схорониться!» Гражданин начальник, хочу сделать заявление: этот полковник вынудил нас себя оговорить. Он оказал на нас давление, пользуясь нашим бедственным положением. У меня сгорел «Форд» стоимостью около миллиона рублей. Мы с отцом получили тяжелые черепно-мозговые травмы, что и стало причиной самоговора.

Встрепенувшись, Антон Каракуцев усердно закивал, подтверждая сказанное Григорием.

– Точно-точно, гражданин начальник! – зачастил он. – Этот полковник нас принудил. Разве я стал бы что-то такое нехорошее говорить про родного сына?! Да и он, согласитесь, могли что-то сказать плохое про меня? Это инсинуация и провокация!

Слушая их, Геннадий не выдержал и громко рассмеялся. Такое умение «переобуться в прыжке» не каждому дано. То папа с сынком друг друга усердно топили, то, едва ситуация начала меняться, тут же вспомнили о своих родственных чувствах. А то, и в самом деле воодушевившись возможностью отказаться от своих недавних показаний, объявили и таксиста заинтересованным лицом.

– Может быть, полковник Крячко ему чего-то наобещал, вот он теперь в эту дуду и будет дуть! – с ехидством в голосе произнес Каракуцев-младший. – Прошу приобщить к моим прежним показаниям: с гражданином Плавковым Геннадием я знаком, и он ко мне всегда испытывал личную неприязнь, а потому быть свидетелем обвинения он никак не может.

Чему-то смеясь, Крячко достал телефон, с кем-то созвонился и спросил, как состояние потерпевшей Ляточкиной. Услышав ответ, он невозмутимо посмотрел на задержанных:

– Может быть, вы еще откажетесь и от того, что вечером были в доме гражданки Ляточкиной, где вымогали у нее дом? Так это вы зря. Она жива, хотя у нее тяжелая травма головы, и врачи прогноз дают положительный. И еще... – Станислав демонстративно повертел своим телефоном. – У моего гаджета есть функция аудиозаписи. И ею я воспользовался. Так что у меня есть чем доказать отсутствие давления со своей стороны. Вот так-то, господа хорошие!

На это Григорий немедленно вскинулся и с торжеством уведомил:

– А несанкционированная запись, к тому же без уведомления тех, кого записывают, не может быть принята как доказательство вины.

– А я не вас записывал, а себя, – снисходительно усмехнулся Крячко. – Себя-то я имею право записать? Имею. Вот это-то судьи и возьмут во внимание: вас я ни к чему не принуждал! И еще. Чтобы иметь дополнительные доказательства, у вас, гражданин Каракуцев, я возьму биологическую пробу для генетического исследования. А местным операм поручаю обшарить прихожую дома потерпевшей Ляточкиной с пылесосом, и тогда открутиться уже не удастся.

Он взял у капитана канцелярские ножницы, отстриг у Каракуцева-старшего небольшой клочок волос и упаковал его в конвертик из бумаги. Опешивший Антон, похлопав глазами, обиженно заорал:

– Э! Это вы чего? Вы на это имеете право?

– Имеет... – устало вздохнул капитан, потеряв глаза кулаками. – В «обезьянник» отведи, только по разным клеткам, – отдал он распоряжение своему помощнику.

Выйдя из райотдела, Станислав почувствовал невероятную усталость. Время близилось к двум ночи, и спать хотелось до одурения.

– Куда вас? – позевывая, спросил Геннадий.

– В аэропорт... Откуда приехал, туда и уехал. Кстати, сколько тебе буду должен?

Потерев темя, таксист мысленно прикинул и с оттенком сомнения произнес:

– Ну-у... Две... Ммм...

– «Трояка» хватит? – Крячко достал из кармана три зеленые бумажки.

– Сейчас сдачу поищу... – Геннадий тоже полез в карман.

– Да будет тебе! Это как бы микробонус – за успешную погоню и оперативное раскрытие опасного преступления. Все! Едем! – почти падая на пассажирское кресло, расслабленно махнул рукой Станислав.

Глава 6

В Москву он прилетел под утро. Проспав около часа с лишним в полете, Крячко вышел из аэропорта и, взяв такси, поехал к себе домой. Приняв душ, тут же свалился, сраженный непобедимым сном. Разбудил его настойчивый звонок телефона. Все еще пребывая в пучине сна, он поднес трубку к уху и сонно пробормотал:

– Да, я слушаю...

– Стас, здорово! У тебя все в порядке? – услышал он озабоченный голос генерала Орлова.

– Да, да... Все путем...

– Похоже, я тебя разбудил? Ладно, когда тебя ждать?

Взглянув одним глазом на часы, показывавшие начало девятого, Станислав пробормотал:

– К десяти... – и тут же снова провалился в сон...

К Главку они с Гуровым прибыли почти одновременно. Поздоровавшись, опера вкратце обсудили итоги своих поездок. Когда Стас, с оттенком бахвальства, объявил о том, что для генетической идентификации Фрола Пятырина он привез биопробу, взятую у человека, который тому доводится родным дядькой, Лев сказал, что взял биопробу у сына Фрола.

– У него есть сын? И ты его нашел? – почесав затылок, удивленно спросил Крячко. – Лихо!

Поскольку время близилось к десяти, напарники сразу отправились к Орлову. Увидев их на пороге кабинета, генерал бросил трубку телефона, по которому с кем-то только что жестко дискутировал. Обменявшись приветствием, он откинулся в кресле и вопросительно мотнул головой:

– Ну, что там у вас? Нашли что-то реальное или просто покатались за казенный счет? Кстати, я думал, что вы еще и сегодня будете там работать. Неужели за один вечер все успели?

Друзья переглянулись, и Лев с подначкой поинтересовался:

– А что это ты так про казенный счет заговорил, или не без «задней мысли»? Тебе опять, что ль, наши министерские скряги накрутили хвоста за перерасход командировочных?

Чуть смущенно закашлявшись, Орлов сокрушенно махнул рукой:

– Да вот же... Только что названивали, интересовались, почему у нас в прошлом месяце был более высокий расход денежных средств в сравнении с соответствующим периодом прошлого года. Как будто у нас ЧП случаются строго по графику! Ну, а что с них возьмешь, с этих «чайников» – буквоедов?! Ладно, давайте ближе к теме... Что-то удалось там накопать?

– А как же! Кое-что есть... – многозначительно ответил Станислав. – Я нашел таксиста, который в прошлом году вез двух пассажиров, и один из них – представь себе! – копия того, что на снимке нашего «снежного человека». Что интересно, Пятырина этот таксист знал лично, поэтому спросил у него, не Фрол ли он. Тот ему вслух ответить почему-то не захотел, только головой мотнул: вроде того – нет, я не Фрол.

– Занятно... – хмыкнул Орлов.

– Что еще можно сказать? В общем, ехали эти двое на улицу Лесничную. Поэтому сейчас хочу зайти к информанщикам, чтобы они уточнили по базам данных, не было ли в июне прошлого года в том районе чего-то необычного? Ну, там, крупной кражи, ограбления... Ведь не просто же так они притащились в Нижний?

– Хорошо, действуй... – одобрил генерал. – Что-то у тебя еще есть?

– Ну, так себе... – скромно ухмыльнулся Стас. – По мелочам...

И он вкратце рассказал про свои вчерашние приключения – и про то, как задержали лжеколлекторов, и про погоню за родственничками Фрола Пятырина.

– А у тебя что? – посмотрел Орлов на Гурова.

Сжатый рассказ Льва о встрече с директором клуба «Барс» и личным другом Фрола он воспринял вполне благосклонно. А вот сообщение о Чупчугине его прямо-таки заинтриговало.

– Да, Лева, это информация, бесспорно, очень ценная. Чрезвычайно! Как только из Нижнего и Питера получим фотороботы, немедленно объявим этого Чупчугина в федеральный розыск! Насчет фотороботов вы уже распорядились?

– Да, когда я ехал сюда, то созвонился с коллегами в Питере, – утвердительно кивнул Гуров, – пообещали сделать... Дробнова и Нечаева предупредил.

– Ну, нижегородцы мне тоже пообещали, что того мужика, который был в такси с как бы Пятыриным, сегодня обязательно скомпонуют, – убежденно проговорил Крячко.

– То есть у нас появилась очень серьезная зацепка, которая, я так понимаю, это расследование продвинет и ускорит... – с удовлетворением отметил Орлов.

– Как ни досадно такое говорить, но до конца я в этом не вполне уверен! – неожиданно возразил Гуров.

– Это почему? С чего бы? – встревожились его собеседники.

– Да вот мне сейчас подумалось... Ведь нет никаких гарантий, что Валентин Чупчугин – настоящее имя этого типа. Если судить по тому, что о нем рассказывают знавшие его, это жулик суперкласса, которому что поменять носки или галстук, что состряпать фальшивый паспорт – раз плюнуть! Более того, нет уверенности в том, что он тоже не прошел через пластику лица. Если допустить, что в Нижнем с якобы Пятыриным был именно Чупчугин, то я допускаю даже то, что фоторобот из Питера не будет похож на нижегородский.

– О-хре-нет! – Стас разочарованно всплеснул руками. – Лева! У тебя потрясающий талант в один момент ухрендячить любое хорошее настроение!

– М-да-а-а-а... – тягостно задумался Орлов. – И на что же нам тогда опираться? Имена – фальшивые, лица – фальшивые... Отпечатки пальцев? Ну, уж их-то точно не изменить!..

– Не изменить. Но брать их пока не у кого, да и образцов для сравнения тоже нет. Нет у нас и исходных имен с приобщенными к ним отпечатками... Так-то мне говорили, что Чупчугин вроде бы отбывал срок, если бы узнать, как его звали в ту пору, то отпечатки мы бы заполучили гарантированно. Но как это узнать?! Тут задачка даже не с двумя, а со многими неизвестными.

– А у тебя есть уверенность, что Чупчугин сидел, будучи в ту пору не Чупчугиным? А? – нервозно спросил Крячко.

– Проверим! – безмятежно улыбнулся Гуров. – Все в наших силах, кроме того, что выше наших сил.

– Да уж, проверьте, проверьте! – с изрядной долей язвительности сердито хохотнул Орлов. – А то у меня уже от всех этих загадок и неопределенностей голова кругом пошла. Со стороны глянуть, так у нас, ешкин кот, не расследование, а прямо мультик про пластилиновую ворону: а может быть – корова, а может быть – собака, а может – бегемот...

После «посиделок» у генерала по пути к своему кабинету опера передали экспертам биопробы на генетическую идентификацию Пятырина. Кроме того, Лев дал ЦУ Жаворонкову на предмет того, чтобы тот «прозвонил» по базам данных пенитенциарной системы сроки и место отбытия наказания неким Валентином Чупчугиным. Заодно поручил проверить вероятность пребывания в «местах не столь отдаленных» Ивана Корнилина. И не просто зафиксировать факт пребывания в заключении, а взять из их дел все необходимые личные данные.

– А Корнилин-то еще зачем? – с долей удивления спросил Станислав. – Он же, не исключено, всего лишь псевдоним Пятырина. Что нам это даст, даже если какой-нибудь Иван Корнилин и найдется среди бывших или нынешних зэков?

– Видишь ли... – многозначительно усмехнулся Гуров. – Человеку свойственна лень и склонность к шаблонам. Как сказал один психолог, голодный, даже произнося слово «беда», обязательно оговорится и скажет «еда». Вот, исходя из этого, и возникла мысль... Что, если

все так и было: Чупчугин решил для каких-то своих целей «замаскировать» Пятырина пластиковой операцией, да еще и сменой документов? А какое имя он вписал бы в фальшивый паспорт, чтобы оно выглядело достаточно естественным? Правильно, из числа подлинных, ранее слышанных им и желательно, принадлежавших тем, кого в живых уже нет.

– Ну, вроде бы логично... – на всякий случай согласился Крячко. – Но тогда у меня возникает другой вопрос: а что именно тебе это даст?

– Как это – что даст? Как только будут готовы фотороботы, разошлю их по тем зонам, где отбывали срок Иваны Корнилины. Если одновременно с кем-то из них сидел и Валентин Чупчугин, то это станет косвенным подтверждением того, что и в самом деле это тот самый Чупчугин, который нам нужен. Можно ведь допустить, что среди зонового «населения» могло быть несколько Чупчугиных, в том числе и похожих друг на друга?

– Н-ну... Как бы – да.

– Да и информационщики с фотороботами пусть поработают, пробьют их через все базы данных. Уверен: где-то что-то да просочится. Нам бы только ниточку ухватить, а уж остальной клубочек как-нибудь вытянем... И еще... Надо обязательно изучить криминальные сводки по Челябинску за последние три дня. Ну, это я сам сейчас проработаю. Если есть что-то громкое – все, срочно выезжаем туда.

– «Срочно»... Дай хоть отоспаться после вчерашней поездки! – с обиженным возмущением возразил Станислав.

– Кстати, товарищ Крячко, – напомнил Лев, – ты, кажется, собирался что-то там уточнить по одному из нижегородских адресов. По улице Лесничной, если не ошибаюсь?

– О блин! – Стас хлопнул себя ладонью по лбу. – Чуть не забыл! – и мгновенно скрылся за дверью информационного отдела.

Войдя в свой кабинет, Гуров включил компьютер и зашел на министерский сайт объединенной информсистемы, отслеживающей и систематизирующей криминальные происшествия по всей территории России. Запросив информацию по Челябинску за последние три дня, он с головой ушел в прорву всевозможных дрызг, стычек, ссор, краж, ограблений, поножовщин и тому подобных «реалити-экшенов». Но все это было совершенно не то, что, как ему казалось, могла учинить некая темная компания. Не заинтересовало его даже задержание с боевой гранатой клиента одной из строительных фирм, который отчаялся выбить свои кровные из обманщиков-«короедов», «кинувших» его с жильем. Несмотря на всю экстремальность происшедшего, для Льва даже это не выглядело чем-то особенным и чрезвычайным. Пропустил он мимо своего внимания и ночную перестрелку у ресторана с двумя убитыми и тремя ранеными...

Вскоре появился Стас, который тоже расположился за своим ноутбуком и принялся клацать клавиатурой. Через некоторое время он спросил:

– Ну, что там у тебя по Челябинску?

– Пока ничего особенного. Обычная вульгарная уголовщина, без претензии на демонстративность.

– А ты считаешь, проделки чупчугинской группировки обязательно должны быть демонстративными? – с сомнением хмыкнул Крячко.

– Что-то мне подсказывает – да. Как я понял из того, что рассказывал Дробнов, у Чупчугина есть такая слабость, как тщеславие. Я бы это назвал синдромом Лягушки-путешественницы. Помнишь мультик: «Это – я, я, я придумала!!!» Он мнит себя в некотором смысле непризнанным Джеймсом Бондом. У него изрядные претензии на некую «великосветскость» и «международность». Или хотя бы на какую-то заумную «символичность»... Поэтому я и не исключаю того, что задуманные им криминальные выходы обязательно будут нацелены на некую «бессмертность». Ну, чтобы даже если он однажды и попадет, то при этом выглядел бы не примитивным гопником или «мокрушником», а эдаким «аристократом» преступного мира.

– Интересная версия... – одобрил Стас. – А я вот открыл карту Нижнего Новгорода и, пока информационщики копают свое, изучаю окрестности офисного центра «Антарес». Знаешь, какой интересный объект мне попался на глаза? На соседней улице, которая идет параллельно Лесничной, есть ювелирный магазин «Селена». Вот интересно будет, если вдруг окажется, что в прошлом году он был ограблен и налетчиков до сих пор не нашли?!

– Молоток! – вскинул вверх большой палец Лев. – И мне кажется, что, скорее всего, ты прав. «Ювелирка» – это как раз то, что подпадает под «аристократичность» с точки зрения уголовного с «джеймсбондовскими» закидонами. Будем ждать результатов из информотдела.

Крячко шмыгнул носом и скромно приподнял плечи, как бы желая сказать: «Чего уж там – можем, можем...» Взглянув на часы, он потянулся и вкрадчиво поинтересовался:

– А ты не хотел бы малость подкрепиться? Я, например, уже живу ожиданием встречи с нашей любимой харчевней...

– Эх, блин! – тоже взглянув на часы, удивился Гуров. – Уже почти час дня. Пора, брат, пора!..

– Туда, где за лесом белеет гора! – поднимаясь из-за стола, подхватил Станислав, давая понять, что и он тоже не чужд высокой поэзии Пушкина.

Менее чем через час, вернувшись назад, они застали у своей двери Жаворонкова, который пришел к ним с наработанными материалами и уже заносил руку, чтобы постучаться.

– Мы здесь! – окликнул его Гуров.

– А-а! – рассмеялся тот, протягивая ему стопку принтерных распечаток.

– Так, а по генетике уже готово? – отпирая дверь своим ключом, поинтересовался Станислав.

Ответом ему было ошеломляющее молчание Жаворонкова. С трудом удержавшись от ироничной улыбки, майор пояснил, что вообще-то срок ДНК-экспертизы занимает никак не меньше трех недель.

– Что?! – теперь уже ошеломлен Крячко. – Три недели?! Е-п-р-с-т! Держите меня семеро! Так к той поре она, может быть, уже и не понадобится вовсе. Я охреневаю! А ускорить никак нельзя?

– Ну тебе же сказано: по нынешней методике срок исследования занимает не менее трех недель! Что неясного-то? – просматривая бумаги, покосился на него Лев.

– Вообще-то маленький шанс на этот счет все же имеется. – Жаворонков решил пролить бальзам участливости на разом воспалившуюся душу Стаса. – Я сейчас жду ответа из НИИ экспериментальной генетики при Академии наук. Вроде бы у них появилась экспресс-методика ДНК-анализа. Как я слышал, они могут провести экспертизу в течение суток. Но за точность не ручаются. Она где-то около семидесяти процентов, в лучшем случае – восьмидесяти пяти.

– Да-а?! – обрадовался Крячко. – Ну, это уже здорово! А они что, берутся?

– Нет, Станислав Васильевич, – сокрушенно развел руками майор. – Они всего лишь пообещали, что позвонят. А возьмутся или нет – еще неизвестно. Но если дадут «добро», то тогда я немедленно еду к ним, и завтра, ближе к вечеру, что-то уже должно бы быть.

– Давай, Валера, давай! Скажи им, что... Ну, ты сам знаешь, что нужно сказать! – Крячко изобразил жест рукой, который мог означать: «От начала веков не было дела важнее!»

Утвердительно кивнув, Жаворонков поспешил обратно.

В доставленных им бумагах оказалась справка, подготовленная на запрос Гурова о зэках с фамилиями Чупчугин и Корнилин. Как оказалось, в местах заключения за десять лет (с двухтысячного по десятый год) побывало всего пятеро Чупчугиных. И среди них Валентин, шестьдесят пятого года рождения, отбывавший срок за мошенничество с две тысячи первого по две тысячи шестой год, имелся. Он соответствовал и антропометрическим и возрастным данным.

Как на заказ, одновременно с ним в ИТК общего режима из двадцати пяти выявленных Корнилиных (среди которых обнаружилось сразу три Ивана) отбывал срок Иван Корнилин,

восьмидесятого года рождения, который погиб в две тысячи шестом в результате несчастного случая, за два года до своего освобождения. Еще раз пробежав глазами эту справку, Гуров задумался: его предположения во многом подтверждались этим материалом.

Кроме всего прочего, справка содержала отпечатки пальцев и фото (фас и профиль) обоих заключенных. И если фото Корнилина ничем особенным не отличалось (обычный унылый зэк с потухшим взглядом человека, жестоко обиженного судьбой), то Альфред Чупчугин смотрелся эдаким бодрячком, которому «сам черт не брат», который «в огне не горит и в воде не тонет». Его нагловатый взгляд прямо-таки заявлял о том, сколь этот человек упоен самим собой, сколь себя ценит и любит и сколь мелки для него все прочие двуногие «гомо сапиенсы».

«А ведь это он! Он, зараза...» – Испытывая некоторое даже ликование, Лев саркастически улыбнулся: есть «контакт»!

Его размышления прервал голос Стаса:

– Что там у тебя? Судя по твоему виду, нашел что-то дельное?

– Скорее всего – да! – Гуров протянул ему листы распечаток. – Я просто уверен в том, что этот Чупчугин – именно тот, кто нам нужен. Думаю, сама его морда говорит однозначно: тварь. Или я не прав?

– Он! Сто против одного, – посмотрев распечатки, согласился Крячко. – А теперь глянь, что у меня.

Как явствовало из справки по запросу Станислава, в конце июня прошлого года в Нижнем Новгороде произошло крупное ограбление ювелирного магазина «Селена» на улице Уральской. Причем до настоящего времени так и не раскрытое. Согласно материалам расследования, случилось это среди бела дня.

В тот момент, когда в магазине схлынули покупатели (следовало полагать, грабители следили за «Селеной» достаточно долго), словно вынырнув из-под земли, в помещение ворвались пятеро молодых мужчин, одетых во все серое – серые кроссовки, серые костюмы спортивного типа, серые балаклавы, серые очки. Как видно, заранее до мелочей отработав сценарий ограбления, налетчики действовали четко и слаженно, как единый механизм. Двое проворно дробили тяжелыми стальными кастетами витрины, нанося столь резкие и мощные удары, что не выдерживало даже закаленное, небьющееся стекло. Еще двое, проворно покидав в мешок лотки и планшеты с закрепленными на них украшениями, бежали к следующим шкапам и витринам, а пятый с короткоствольным автоматом на изготовку держал на мушке всех, кто находился в магазине.

Ограбление произошло всего за сорок секунд. Выбежав на улицу, бандиты запрыгнули в подскочивший к входу в магазин автомобиль и тут же куда-то скрылись. План «Перехват» результатов не дал. Пару часов спустя автомобиль грабителей был обнаружен брошенным в переулке, дальше они уже уехали на другом. Причем, как вскоре выяснилось, оба эти авто тем же днем были угнаны. Вторую машину уже на следующий день опера нашли сторовшей в лесу, километрах в пяти от города. Служебная собака след взять не смогла – скорее всего, налетчики использовали какое-то спецсредство, притупляющее остроту обоняния. Всего грабители унесли ценностей на пятнадцать миллионов рублей.

Согласно заключению экспертов, это были хорошо тренированные спортсмены, имеющие высококлассную подготовку по различным, в том числе восточным, единоборствам. Было установлено, что похожие ограбления (тоже так и не раскрытые) были совершены в одном из райцентров Ленинградской области, в Пермском крае и в Новосибирске. Судя по записям камер видеонаблюдения, действовала одна и та же группировка. Что интересно, по некоторым неофициальным данным, помимо полиции, этих серых налетчиков искал и крупный криминалитет.

Еще бы! Какие-то «фраера дешевые» брали крупное «бабло», а положенную долю в «общак» отчислять и не подумали. Борзота полнейшая! Такое не прощается!

– Ну вот, что и требовалось доказать! – прочитав справку, констатировал Гуров. – Кстати! Может быть, уже и фотороботы прибыли?

Он открыл почту в своем компьютере и сразу же наткнулся взглядом на новое письмо. Открыв файл, и в самом деле обнаружил там скан фоторобота Валентина Чупчугина. Даже не напрягаясь, можно было определить, что лицо на фотороботе и на фото из уголовного дела – одно и то же.

Минут через двадцать прибыл фоторобот и из Нижнего Новгорода. Это лицо рядом деталей отличалось от фоторобота из Питера и снимка из дела. Крячко, некоторое время повертев в руках принтерную распечатку, сделанную им сразу же по получении электронного письма, протянул ее Льву:

– Вот, смотри... Вроде – он, а может, и не он...

Посмотрев на этот вариант фоторобота под разными углами, Гуров еще раз взглянул на фото из дела и питерский фоторобот, после чего уверенно объявил:

– Это – он, но только после пластики. Теперь его искать нужно будет именно по нижегородскому варианту. Сейчас с Петром согласуем кое-какие мелочи, и можно объявлять этого типа в федеральный розыск.

– А чего там у Петрухи уточнять-то? – пренебрежительно поморщился Стас. – Ха! Чупчугин подозреваемый? Подозреваемый. Ну, и весь разговор!

– Нет, уважаемый, не весь! – засмеялся Лев. – Подозреваемым Чупчугина «назначили» мы с тобой. Причем на основании всего лишь некоторых наших умозрительных заключений. И только! А по факту на него у нас пока и на воробыный коготок нет вообще ни-че-го. В чем бы мы его смогли бы обвинить, вот, прямо сейчас, предстань он перед нами? А ни в чем! Так что пойду к Петру, обсудим с ним кое-какие нюансы. У него, сам знаешь, такое частенько бывает: сначала сам напирает – давай объявим в розыск?! А чуть остыл – уже другая «пластинка»: а надо ли, а есть ли на этот счет твердое обоснование?..

– Ну, тогда пошли вместе! – великодушно предложил Станислав.

– Ладно уж... Занимайся своими делами. Знаешь, вместе хорошо ходить разве что на танцы в соседнюю деревню – если кто наскაკивает, вдвоем отбиваться сподручнее... – выходя из кабинета, усмехнулся Гуров.

Глава 7

Как он и предполагал, Орлов, изучив положенные перед ним принтерные распечатки портретов Чупчугина и прочие материалы, надолго задумался и наконец хмуро ударился в философствования:

– Лева, в принципе я сторонник того, чтобы этого мошенника объявить в розыск прямо сейчас. Но скажи, а насколько ты уверен в том, что твоя версия верна? Процент на пятьдесят? Или еще меньше? Есть ли гарантии, что этот человек и в самом деле тот, кто нам нужен?

– Процент на восемьдесят – точно... – сдержанно обронил Лев, сев в кресло и положив ногу на ногу.

– Вот! – Петр выбросил перед собой ладонь с широко раскрытыми пальцами. – Даже не девяносто, тем более не девяносто девять. У вас со Стасом нет даже косвенных фактов, хоть как-то указывающих на причастность этого Чупчугина к тому, что вы ему инкриминируете. Исключительно голая теория. Ну, объявим его сейчас в «федералку». Тысячи, десятки тысяч сотрудников МВД, изучив фоторобот, начнут его поиски, забросив какие-то другие дела, при этом даже не подозревая, что, может быть, это – ложный след, всего лишь рабочая гипотеза двух корифеев уголовного сыска из Москвы. Не будем ли мы смотреться смешно и нелепо?

– Мне, например, не смешно, – возразил Гуров. – И знаешь почему? А вот потому, что... – Цокая языком, он изобразил тиканье секундомера. – Время работает против нас. Мы даже не на шаг, а на марафонскую дистанцию отстаем от этой банды. И хоть как-то подобраться к ней сможем лишь после пары-тройки совершенных ею преступлений. Причем не исключено – обрати свое высокое внимание! – с человеческими жертвами. Ты знаешь, почему так долго смогли гулять на свободе Михасевич, Чикатило, битцевский маньяк? А потому, что расследованием их преступлений занимались наши коллеги, не слишком наделенные интуицией и фантазией.

– Думаешь? – с сомнением прищурился генерал. – Хм... Жесткое резюме. Тебе не кажется, что к своим коллегам ты относишься слишком уж... пренебрежительно?

– Ни в коем случае! Допускаю даже, что большинство из них – люди порядочные, добросовестные, грамотные... Наверняка у них прекрасно развита логика. Но дело-то в том, что наши «подопечные» не всегда действуют в соответствии с логикой. А иррациональное – это и есть сфера фантазий и интуиции. Сколько человек село в тюрьму, прежде чем поймали Михасевича? Четырнадцать! Один был расстрелян. По делу Чикатило расстреляли двоих... Маньяков ловили, опираясь на логику, а нужно было – на интуицию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.